

ЮРИЙ ПОЛЯКОВ

СОВ

*Книга
о светлом
прошлом*

ДЕТСТВО

ПИОНЕРСКАЯ НОЧЬ

Детство - это Година сердца

Юрий Михайлович Поляков
Совдетство 2. Пионерская ночь
Серия «Новая проза Юрия Полякова»

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68010928
Совдетство 2. Пионерская ночь: АСТ; М; 2022
ISBN 978-5-17-150893-7

Аннотация

Вышедшая год назад книга известного русского писателя Юрия Полякова «Совдетство. Книга о светлом прошлом» сразу стала бестселлером, покорила читателей трогательной достоверностью картин минувшего и глубиной проникновения в сложный внутренний мир советского ребенка. Критика уже успела поставить эту «вспоминальную» прозу в один ряд с «Летом Господним» Ивана Шмелева и «Детством Никиты» Алексея Толстого. И вот долгожданное продолжение – «Совдетство 2». Мы снова встретимся с полюбившимся нам шестиклассником Юрой Полуяковым, пройдем с ним по летней Москве 1968 года, отправимся на майский семейный пикник в Измайловский парк, предпримем путешествие на деревню к дедушке в волжскую глухомань, посидим у прощального пионерского костра и узнаем, как это непросто, если тебе нравится Ирма – самая красивая девочка третьего отряда...

Содержание

От автора	7
Природа шепчет	12
1	12
2	22
3	28
4	36
5	44
6	52
7	60
8	69
9	80
10	89
11	98
12	105
13	117
Селищи и Шатрищи	127
1	127
2	130
3	142
Конец ознакомительного фрагмента.	149

Юрий Поляков

Совдетство 2.

Пионерская ночь

© Поляков Ю.М., 2022

© Трипольская Н.А., 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

От автора

Вы держите в руках «Совдетство 2» – продолжение моей Книги о светлом прошлом. Она вышла год назад и вызвала большой интерес читателей, которые в своих письмах сразу же буквально потребовали, чтобы я сочинил вторую часть. Что ж, как выразился великий Пушкин: «На вот, возьми ее скорей!»

Думаю, успех первой книги связан не столько с достоинствами текста, хотя и без них не обошлось, сколько с особым отношением каждого человека к начальной поре своей жизни, неповторимой, яркой и скоротечной, словно восход солнца.

Детство – это родина сердца. Чьи слова? Кажется, мои, хотя, возможно, я их где-то когда-то встретил, затвердил, забыл и теперь вот вспомнил. С возрастом неоправданно мудрееешь от пережитого, увиденного и прочитанного.

Иногда из интереса я листаю книги, отмеченные разными премиями. Попадают сочинения и о детстве, прошедшем в Советском Союзе, в котором мне тоже довелось родиться и возмужать. От чтения некоторых текстов остается ощущение, что будущие литераторы выросли в стране, где их мучали, тиранили, терзали, унижали, пытая мраком безысходного оптимизма, глумливо-бодрыми пионерскими песнями, сбалансированным питанием и насильствен-

ным летним отдыхом. Оказывается, во дворе их нещадно лупили за вдумчивый вид или затейливую фамилию. Наверное, родившись чернокожими работягами в колониальном Конго, эти авторы были бы намного счастливее...

Если верить подобным пишущим фантазерам, в те жуткие годы, озадачив учителя неправильным вопросом про светлое будущее всего человечества – коммунизм, можно было остаться на второй год или даже отправиться в колонию для малолетних преступников. Ну, а тех вольнодумцев, кто отказывался ходить в уборную строем с песней, ждал пожизненный волчий билет.

Особенно страдали, как выясняется теперь, дети, прозябавшие в высших слоях советского общества. Страшные темные дела творились в просторных цеховских квартирах, на академических дачах и в недоступных артеках. Возможно, так оно там и было... Не знаю, не посещал. У меня, выросшего в общежитии Маргариногового завода, от советского детства и отрочества остались иные впечатления, если и не радужные, то вполне добрые и светлые.

«Совдетство 2» – книга о лете, о том, как во времена, когда я был пионером, детвора проводила большие каникулы. Я, например, отдыхал в обычном пионерском лагере «Дружба», что располагался близ платформы «Востряково» Павелецкой железной дороги. О нем я и написал в этой книге с памятной симпатией. А еще я ездил на Волгу, в Селищи – родные места моего неродного деда Жоржика... Ах,

каким длинным, почти бесконечным было лето моего детства! Увы, время с возрастом ускоряется, хотя должно быть наоборот...

Сознаюсь, я пишу о своем «коммунистическом» детстве с трепетом, погружаясь сердцем в живую воду памяти, извлекая из глубин сознания милые мелочи минувшего, перебирая забытые словечки ушедшей эпохи, стараясь воплотить в языке тот далекий, утраченный мир, который исчез навсегда вместе с Советским Союзом – со страной, где, устремляясь в будущее, так любили для скорости сокращать: «ликбез», «колхоз», «комсомол», «райком», «спортзал», «детсад», «совдетство»...

Сознаюсь, это очень непросто – воссоздавать ушедшее время: многое забылось, исказилось, покрылось домыслами, а что-то преобразилось под поздними впечатлениями до неузнаваемости. Публикуя год назад «Совдетство», я обратился к читателям с просьбой: если они обнаружат неточности, а то и откровенные ошибки, сообщить об этом автору по адресу:

yuripolyakov@inbox.ru

Многие откликнулись, и первая часть теперь переиздана с исправлениями, подсказанными вами, мои бдительные читатели! Не могу не назвать тех, кто нашел время отправить мне свои замечания. Вот их имена: Александр Боцаров, Марина Борисенко, Александр, не назвавший свою фамилию, Сергей Мельников, Павел Майоров-Самарчян, Влади-

слав Дибров, Александр Посадков, Александр Бисеров, Александр Патратьев, Сергей Литовченко, Алиса из Петербурга, Л. Губанков, Ирина Долинина, Валентина Алексеева, Светлана Руненко, Тагир Махамадеев, Галина Пилипенко, Юрий Зеленский, Сергей Шатилин и другие. Многие предпочли остаться инкогнито, скромно отрекомендовавшись, например, «ваш читатель» или, скажем, «гуманитарий в штатском»...

Спасибо за помощь! Впрочем, моя просьба и электронный адрес остаются в силе касательно и «Совместства 2»: замеченные ошибки, неточности, дружеские советы, дельная критика принимаются с благодарностью и будут учтены при подготовке переиздания.

А напоследок напомним мое давнее наблюдение: тем, кто не любит свое советское детство, и нынешняя Россия, вступившая в пору серьезных испытаний, категорически не нравится. Такая вот странная закономерность. Сознаюсь, люди, не любящие свою Родину, всегда вызывали у меня неприязненное чувство, объяснить которое лучше всего иносказанием. Давным-давно, в пионерском лагере, вожатый, учившийся на биолога, объяснял нам, что не все насекомые, садящиеся на цветы, собирают мед, хотя порой они внешне похожи на тружениц-пчел. Это мимикрия. Подделка. На самом деле они просто любят сладкое, ничего не желая отдавать взамен... Думаю, моя аллегория весьма прозрачна и понятна.

*Юрий Поляков,
Переделкино, июль 2022 г.*

Природа шепчет

Повесть

1

...По четвергам я хожу в изостудию Дома пионеров Первомайского района. Это на Спартаковской площади рядом с кинотеатром «Новатор», занимающим первый этаж нового кирпичного здания, а к нему примыкает старинный дом мышиного цвета – с куполом, огромными окнами разной формы и высокими колоннами, словно выросшими в стену. У входа, слева от тяжелой широкой двери с латунными ручками, висит мраморная плита, а на ней золотыми буквами выбито: «Здесь 30 августа 1918 года выступал перед рабочими сам Владимир Ильич». Отсюда он, между прочим, поехал на завод Михельсона, где в него стреляла подлая эсерка Каплан. Когда мы с классом ходили в Музей Ленина, я видел там в витрине черное пальто вождя: места, пробитые отравленными пулями, помечены красными нитками – крест-накрест. Я иногда воображаю, как вырасту, изобрету машину времени, перенесусь в прошлое, приду на митинг, протолкаюсь к вождю и тихо предупрежу:

– Владимир Ильич, не ходите на завод Михельсона, там засада!

– Что еще за глупости! – усмехнется бесстрашный Ленин. – Рабочие ждут. Я обещал. Непременно поедем!

Но бдительный Дзержинский, в длинной до пят шинели, нахмурится:

– Откуда, мальчик, у тебя такие сведения?

– Из будущего.

– Ты не ошибаешься?

– Исторический факт! – твердо отвечаю я. – Честное пионерское! – и отсалютую.

Ильич будет спасен, история пойдет другим путем (каким именно, надо еще придумать), а меня Феликс Эдмундович наградит именным оружием – золотым маузером с кобурой из карельской березы. У тети Вали есть шкатулка из этого дерева, очень красивая. Посмотреть на мои награды, когда я вернусь назад, в наше время, сбежится вся 348-я школа. Любоваться я разрешу всем, но подержать в руках маузер Железного Феликса позволю лишь моему другу Петьке Кузнецову и Шуре Казаковой.

...Какие только фантазии не приходят в голову, когда, сдав контрольную работу, сидишь за партой и, глядя в манящее школьное окно, ждешь звонок на перемену.

Руководит нашей изостудией Олег Иванович Осин, настоящий художник, бородатый, одетый в грубый свитер, синие брезентовые штаны и обутый в ботинки на толстой подошве. Иногда он останавливается у меня за спиной и, тяжело вздыхая, наблюдает, как я на ватмане пытаюсь карандашом изобразить гипсовое ухо, в моем исполнении напоминающее пельмень. От Осина веет пряным запахом иностранных сигарет – у нас в общежитии такие никто не курит. К нему порой заходят друзья-художники, одетые в такие же свитера и штаны. Посасывая душистые трубки, они хмуро разглядывают наши рисунки, изредка бросая: «Недурственно». Это у

них самая высокая похвала.

Раз в месяц Олег Иванович читает нам лекции по истории искусства, чтобы мы Репина от Рублева отличали. Задернув плотные шторы на высоких окнах, он гасит свет и с помощью черного проектора, похожего на небольшой гиперболоид инженера Гарина, показывает на белой стене разные знаменитые картины, рассказывая попутно, кто их нарисовал и к какому направлению они относятся. Иногда Осин сначала предлагает нам угадать автора, проверяя эрудицию старших студийцев. Вот, например, на штукатурке появляется странное изображение: перекошенные человеческие лица, рогатые бычьи головы, оторванные руки-ноги, а нарисовано все это в детском стиле каля-маля.

– Пикассо! – радостно узнает восьмиклассник Марик Каплан (как он живет с такой фамилией?).

– Верно! Но только – Пика́ссо, – поправляет руководитель.

– Я тоже так могу нарисовать! – простодушно объявляет пятиклассница Даша Лунько.

– И я могу, – вздыхает Олег Иванович. – А толку?

Однажды он показал нам «Завтрак на траве» – и все захихикали, мальчики громко, девочки тихонько, в ладошку. Ну сами посудите, в лесу на лужайке в компании двух одетых дядек сидит совершенно голая тетя и смотрит на вас так, словно для нее позавтракать на природе в чем мать родила – дело обычное. Конечно, и у нас в общежитии тоже мож-

но наткнуться на Светку Комкову, разгуливающую по коллективной кухне в распахнутом байковом халате и полупрозрачной комбинашке. Но чтобы вот так, без всего, на поляне, при всех – извините!

Услышав смех, Осин рассердился и долго, горячась, объяснял нам, что в искусстве обнаженное тело – это совсем не то что в жизни, на пляже или в бане, что великий Эдуард Мане нарочно поместил разоблаченную даму рядом с одетыми кавалерами, чтобы оттенить живую белизну кожи грубой фактурой коричневого сукна брюк и черным бархатом мужских курток, а заодно бросить вызов ханжеской буржуазной морали.

– Вы посмотрите, как написана зелень! Это же с ума сойти, а не трава! Видите голубой шелк, на котором она сидит? Какие переходы! Господи! Невероятные переходы! Нет, вы еще не понимаете! Вот поедем летом на этюды – тогда поймете! Теперь же просто запомните: Эдуард Мане, «Завтрак на траве». Не путать с Клодом Моне...

Между прочим, с середины мая, когда прогреется земля, мы тоже всей родней по воскресеньям выезжаем на травку – в Измайлово. Раньше мы бывали там часто – а теперь, после случая, о котором хочу рассказать, все реже и реже. Недавно, читая книжку про Тома Сойера, я узнал, что такой вот питательный выезд на природу называется «пикник». Смешное слово, почти «пинг-понг» или «пингвин». Пикники бывают разные. Если завком заказывает целый автобус, в который

набивается пол-общезития, а всю компанию, набравшую с собой выпивки и закуски, вывозят куда-нибудь на берег Пахры или Клязьмы, такое мероприятие называется массовой. Потом весь завод долго обсуждает, как наладчик Чижев пошел купаться и пропал. Его долго искали в камышах. Жена исчезнувшего уже начала рвать на себе волосы, рыдать, спрашивая у всех, на кого Чижев ее оставил? Хотели вызывать водолазов, и тут выяснилось, что наладчик просто-напросто в мокрых трусах пошел в соседнюю деревню испить парного молочка, как в детстве. Это и есть массовка.

Воскресный выезд на травку – это совсем другое дело, это мероприятие не профсоюзное, а семейное. В нем участвует родня, иногда отдаленная, и самые близкие товарищи, например Лидины подруги по пищевому техникуму или Пошехонов, ведающий на отцовом заводе «Старт» распределением спирта для протирки контактов, – очень добрый и отзывчивый человек.

Вот я иногда думаю: почему всех так влечет на природу? Ответ вроде бы простой: насидевшись за целую неделю в каменно-асфальтовом городе, люди, понятно, тянутся к зелени. Но я уверен, причина гораздо глубже: человек, как известно, произошел от обезьян, живших поначалу на деревьях, а вниз спускавшихся, чтобы размять задние конечности, если вокруг нет хищников. Этот неумолимый зов отдаленных предков постоянно манит и влечет горожан в лесную зону отдыха. А почему учащиеся дети, выбежав весной во

время перемены на двор, тут же, несмотря на грозные окрики учителей, начинают цепляться и раскачиваться на ветках пришкольных деревьев? Потому что в них просыпаются первобытные инстинкты мохнатых предков. То-то и оно!

Впрочем, наша соседка Алексевна, ходившая в школу еще при царе, верит, будто первых людей Адама и Еву слепил из глины Бог, и поначалу они жили в раю, напоминающем Ботанический сад в Сухуми, гуляли по лесу голые, как на картине Эдуарда Мане, а потом распоясались, забыли правила поведения в общественном месте, послушались говорящего змея-искусителя, типичного провокатора, сорвали и съели яблоко, запрещенное к употреблению, за что были с позором изгнаны из рая. Наверное, их выставили так же показательно, как милиционеры выводят под руки из парка культуры и отдыха подвыпивших граждан, которые шатаются и всех уверяют, что капли в рот не брали.

Но история эта, на мой взгляд, какая-то непонятная и нелогичная. У нас в пионерском лагере «Дружба» возле столовой растут две яблони. Из года в год в начале второй смены медсестра обходит все отряды и объясняет: незрелую мелочь рвать с веток и есть нельзя, опасно для желудка, надо дожждаться, пока плоды хотя бы начнут желтеть. И что? Ничего. Я езжу в «Дружбу» не первый год и еще ни разу не видел на ветках хоть одно созревшее яблоко, зато изолятор в июле забит пионерами с дальнобойным поносом. Короче, странно, что Бог так уж разозлился на Адама и Еву из-за од-

ного-единственного фрукта. Дело-то житейское...

Алексевна, видя, что я не верю ее словам, обычно нервничает, капает себе ландышевую настойку и читает мне разные места из толстой ветхой книги – Библии. Чтобы не огорчать старушку, приходится кивать, хотя любому школьнику ясно: все это, конечно, сказки для малограмотных людей, не открывавших учебник «Природоведение». Но если, как иногда выражается бородатый кинопутешественник Шнейдеров, мы примем данную небылицу за рабочую гипотезу, то выйдет, что желание людей в воскресенье поехать на природу в Измайлово есть не что иное, как манящее воспоминание об утраченной жизни в райском лесопарке. Что и требовалось доказать! Так говорит наш математик Ананий Моисеевич, ткнув в доску бруском мела и прикончив теорему, смысл которой во всем классе понятен только ему одному.

Однажды, в четвертом классе, наша учительница Ольга Владимировна растолковывала нам попавшееся в диктанте выражение «райские яблоки». Сначала она объяснила, что такое рай, а потом, словно спохватившись, уточнила, что такого места на небе нет и никогда не было. Зато на земле рай, который называется «коммунизм», построить можно, чем и занимается весь советский народ под руководством партии, стараясь поспеть к 1980 году.

Я поднял руку.

– Юра, у тебя вопрос?

– Да.

– Задавай!

– Значит, райком так называется потому, что оттуда руководят строительством рая?

– Кто тебе это сказал? – встревожилась учительница.

– Никто. Я сам догадался. Мама, если ее вызывают в райком, очень переживает, что ее там пропесочат, а когда возвращается, ворчит: «Руками водить все умеют!»

– Так и говорит?

– Ага.

– Очень интересно. Садись!

На перемене, играя у подоконника с Андрюхой Калгашниковым в фантики, я краем глаза заметил, как Ольга Владимировна шушукается с учительницами начальных классов Валентиной Ивановной и Зоей Петровной, и все они как-то странно на меня посматривают, загадочно улыбаясь и переглядываясь. Я хотел прислушаться к их разговору, что довольно-таки трудно во время шумной перемены, но в этот момент тонкий фантик Андрюхи, сложенный из обертки ананасового суфле, ткнулся в самый край моего толстого «Мишки на Севере».

– Подка! – объявил Калгашников.

– Целка, – возразил я.

– Ты где, ханурик, видел такую целку? – заорал он на весь коридор. – Чистая подка!

Учительницы вскинулись, будто их током ударило. Пожилые Ольга Владимировна и Валентина Ивановна строго

нахмурились, а молоденькая, работающая первый год Зоя Петровна вспыхнула, как первомайский шарик, и убежала в класс. Оставшиеся учительницы подозвали нас, отругали за игру в неположенном месте, конфисковали фантики, посоветовали не употреблять слова, значение которых нам не понятно, и отправили в туалет – мыть руки, оказавшиеся, как всегда, грязными.

В уборной стоял густой дым: курили старшеклассники, они специально ходят на этаж начальных классов, где ловить их с папиросами никому в голову не придет. Услышав, как мы взволнованно обсуждаем прерванную игру в фантики и недоумеваем, что именно так разозлило учительниц, курильщики обидно заржали и ушли, ничего нам не объяснив...

Потом, конечно, мне все растолковали. Дело в том, что «подка» – слово вполне приличное, а вот... Но я, кажется, хотел рассказать о наших выездах на травку в Измайлово. При чем тут фантики? Ни при чем. Так иногда бывает у бабушки Ани, она начинает рассказывать про вредную врачиху Хавкину, не выписывающую нужные лекарства, а потом вдруг перескакивает на подушку, из которой неведомым образом исчезла половина перьев. Но у бабушки склероз, с этим даже Хавкина не спорит. А у меня? Неужели бывает и детский склероз? Надо полистать журнал «Здоровье». Хорошо бы... Тогда меня, как от физкультуры после простуды, освободят и от домашних заданий. Придет в класс новая практикантка, начнет урок, посмотрит в журнал:

– Полуяков, к доске!

А Ирина Анатольевна ей тихонько на ухо:

– У ребенка детский склероз. От всего освобожден.

– Ах, простите, мальчик, садитесь на место! – с уважением исправится практикантка.

Ну вот, опять отвлекся. К делу!

Итак, семейный пикник – мероприятие серьезное. Целая операция «Б1». Намечают ее заранее, за неделю определяя время выезда, договариваются, кто что стряпает и покупает из съестного или выпивного. Сорвать намеченный план мо-

гут только чрезвычайные происшествия. Однажды на Маргариновый завод именно в выходной день притащилась делегация жировиков из Польши, и Лида, как секретарь партбюро, была вынуждена показывать им предприятие, угощать продукцией и дарить матрешки, купленные за счет завкома. Она страшно переживала, что перед заводоуправлением с весны осталась огромная лужа, что асфальтовая дорожка не подметена, а с Доски почета кто-то сорвал карточку фасовщицы Михеевой, похожей на Любку Шевцову из кинофильма «Молодая гвардия». Грешили на водителя электрокара Рябухина, хмурого, неглаженного холостяка. Собираясь на ответственное задание и наряжаясь перед зеркалом, маман без конца повторяла трудную фамилию руководителя делегации «пан Пржмыжшевский».

Короче, Измайлово накрылось медным тазом.

Во второй раз, когда все уже было готово и Тимофеич налил в манерку чистого спирта на тот случай, если не хватит «казенки», дядю Юру Батурина срочно вызвали на службу. Их образцовый оркестр должен был встречать президента страны с непонятным названием «ОАР», срочно прилетающего в СССР. Да и имя у гостя оказалось рискованным – Гамаль Абдель Насер. «Видно, сильно его евреи допекли!» – вздыхал Башашкин. Это у дяди Юры, страстного футбольного болельщика, такое прозвище, в честь знаменитого центрального защитника ЦСКА Анатолия Башашкина. Дядя Юра тогда очень огорчился: мало того что улыбнулся вос-

кресный отдых, надо еще за несколько часов, пока Гамаль Абдель летит к нам в Союз, выучить их гимн, под который, как выразился Батури́н, только с мумией вальсировать. Да еще начальник оркестра под страхом гауптвахты запретил накануне даже нюхать спиртное, так как у арабов строжайший сухой закон, и Насер сразу учует запретный аромат, а это чревато осложнением международной обстановки.

В третий раз дед Жоржик, чихнув на ветру, потерял в водостоке вставную челюсть и так расстроился, что у него заболело сердце. Вот, пожалуй, и все случаи, когда задуманный выезд «на травку» отменялся.

Если договоренности оставались в силе, каждый действовал, как сказал бы наш сосед дядя Коля Черугин, «по заранее отработанной схеме». Бабушка Маня и дед Жоржик первыми выходили из дому в 10.00 и звонили из будки возле метро «Новокузнецкая» Батуриным. Тетя Валя была уже начеку и не отходила от коммунального телефона даже в туалет. Сообщив в трубку, что они тронулись, в смысле – пустились в путь, бабушка Маня и Жоржик садились на 25-й троллейбус, который от Балчуга до Ильинских ворот идет минут десять – пятнадцать.

– Выдвигаемся! – командовал дядя Юра.

И Батурины, подхватив заранее сложенные сумки, устремлялись из своего дома, что на углу Большого и Малого Комсомольских переулков, к остановке возле булочной. Увидав в широком окне подъехавшего троллейбуса бабуш-

ку и Жоржика, Башашкин обычно вскрикивал: «Ба! Знакомые все лица!» – и они присоединялись к родне. Иногда я ночевал у них с субботы на воскресенье и вместе с ними выдвигался в Измайлово. Перед выходом дядя Юра звонил коменданту нашего общежития Колову, в его крошечной комнате установлен служебный телефон, единственный на все здание.

– Старший сержант Батурин на проводе, – весело докладывал Башашкин. – Выступаем утвержденным маршрутом.

– Принял. Доведу до сведения, – по-военному отвечал Колов, в недавнем прошлом старшина-сверхсрочник, еще донашивающий форменный китель и хромовые сапоги.

– От имени министра объявляю вам благодарность!

– Служу Советскому Союзу!

Тут надо бы разъяснить. Однажды мы отмечали у нас в комнате Лидин день рождения, на веселый шум заглянул комендант, мол, все ли в порядке, не буянят ли... Ему, как водится, налили, чтобы выпил за новорожденную, он хлопнул, потом добавил и как-то приселся за столом, сдружившись с Башашкиным. Дядя Юра в очередной раз рассказал гостям, что сам маршал Малиновский во время репетиции парада пожал ему руку как лучшему барабанщику образцового военного оркестра и приказал выдать месячный оклад в качестве поощрения. Дали, правда, пол-оклада и почетную грамоту. Колов, узнав об этом, проникся к дяде Юре таким уважением, что с тех пор готов был выполнить любое поручение

человека, которому пожал руку сам министр обороны!

Итак, получив вводную, комендант мчался по коридору, громко стучал в нашу дверь, оповещая:

– Лидия Ильинична, звонил Юрий Михайлович, они выехали!

– Спасибо, Степан Кузьмич, – пугалась, по обыкновению, еще не одетая Лида. – Выходим! – и начинала метаться по комнате, как раненная птица.

– Кулема! – ругался Тимофеич, глядя на часы. – Второй час собираешься! Вот сейчас разденусь и никуда не поеду!

– Миша, я уже... – лепетала маман, не попадая в рукав.

– Вижу!

Ему-то хорошо, он всегда готов минута в минуту и просто буреет, если сталкивается с чьей-то непунктуальностью, особенно с Лидиной, хотя давно бы мог привыкнуть. Я вот наблюдаю родителей двенадцать лет и все жду, когда кто-нибудь из них перевоспитается: или она научится вовремя собираться, или Тимофеич начнет опаздывать. Нет, каждый тверд в своих привычках, как коммунары на допросе.

– Ой, ой, ой... – причитала моя неорганизованная маман, мечась по комнате. – Где томатный майонез? Я с завода принесла... Юр, ты не брал?

– Нет, может, Сашка сожрал? – Я мстительно кивнул на младшего братца, нарисовавшего мне вчера в тетрадке с домашним заданием кошечку, похожую на кенгуру.

– Я не бра-а-л! – захныкал тот, получив от меня профи-

лактический подзатыльник.

– А на столе это что такое стоит? – взревел отец, как слон, раненный отравленной стрелой.

– Где?

– В Караганде!

– Ой, ну да... он!

– Выходим!

– Где мои бусы?

– На шее.

– Губы чуть подкрашу...

– Я тебе сейчас подкрашу!

Думаю, если бы коммунисты Маргаринового завода хоть одним глазком увидели, какой неорганизованный у них секретарь партбюро, они бы Лиду моментально переизбрали. Но чужая семейная жизнь надежно скрыта от общественности, как в кукольном театре не видны за ширмой артисты. А на трибуне маман всегда выглядит образцом собранности, деловитости и принципиальности. Откуда только что берется? Видно, доверие коллектива – огромная сила.

И вот мы, наконец, с полными сумками вылетаем из подъезда, а там почти всегда стоит в дозоре наш сторож дядя Гриша, контуженный краснофлотец. С самой войны он трясется всем телом и говорит как заезженная пластинка на сломанном патефоне.

– Н-н-н-на-а т-т-т-т-р-р-а-а-в-в-в...

– На травку, Гриша, на травку! – раздраженно подтверждает Тимофеич, проносясь мимо.

– С-с-с-ч-ч-ч-ч-а-а-а-с-с-с-с-т-т-т... – несется нам вслед, что означает: «Счастливого пути!»

Мы мчимся сломя голову по Балакиревскому переулку к Бакунинской улице, где возле гастронома останавливается 25-й троллейбус. Отец летит впереди с двумя огромными сумками: в них бутылки, еда, клеенка и два старых одеяла, чтобы сидеть не на голой земле. Следом бегу я, таща за руку брата, который норовит то подхватить с асфальта пустую спичечную коробку – для будущих жуков, то погладить пробегающую мимо кошечку. Замыкает нашу команду Лида, она на ходу хнычет:

– Соль забыла, соль забыла...

– Другие взяли! – огрызается отец. – У них с памятью все в порядке.

– Ой, не успеем, уедут, уедут... – причитает маман.

– Ну и что! Не на самолет опаздываем. Нагоним в Измайлове. Ворон нечего было считать!

Я смотрю на них и удивляюсь: Тимофеич, который никогда не опаздывает и всегда собран, как работал сменным электриком, так и работает, а вот Лида, вопреки своей расхлябанности и забывчивости, доросла аж до начальника майонезного цеха. Жизнь полна несправедливых загадок!

Например. Во время войны бабушка Маня с дочерьми ехала в эвакуацию. Лида, будучи с детства кулемой, заслушалась раненого солдата с гармошкой и отстала от поезда, с трудом потом нагнав эшелон, благодаря отзывчивому начальнику станции. С тех пор она панически боится куда-нибудь опоздать или с кем-то разминуться. Как этот психический страх сочетается у нее с неумением вовремя собраться и выйти из дому, я не понимаю. Башашкин говорит, что женщина – это моток противоречий.

Но вот странная вещь: мы все-таки каким-то чудом всегда успеваем вовремя. Однажды Лида забыла на столе кошелек, пришлось возвращаться, и мы шли потом на остановку не торопясь, уверенные в том, что родня давно проехала мимо, и встречаться нам предстоит в Измайлове, у железной арки. Каково же было наше изумление, когда в окне подвалившего к тротуару желто-синего троллейбуса мы увидели бабушку Маню, Жоржика, тетю Валю и дядю Юру, который показал нам кулак. Оказалось, возле сада имени Баумана транспорт намертво встал, обесточенный, так как соскочили «рога», а

неопытный водитель долго не мог, натягивая тугие канаты, совместить кронштейны с искрящимися проводами.

– Дерьмо ему в бочке развозить, а не людей! – ругался Башашкин.

В тот навсегда памятный день мы, как обычно, мчались к остановке, опаздывая. Сашка не поспевал и болтался в моей руке, точно тельняшка, выброшенная на веревке за борт. Так моряки стирают грязные вещи, я сам видел, когда мы плыли на теплоходе из Химок в Кимры.

Возле пустыря за мной увязался мой друг Ренат, сын дворника дяди Амира. Некоторое время он бежал рядом, спрашивая:

– На поезд?

– Нет, в Измайлово.

– Когда вернетесь?

– Не знаю.

– Если будет еще светло, в ножички сыграем?

– Обязательно.

– Есть лишний котенок.

– Потом покажешь.

Ренат добежал с нами до Бакунинской улицы и повернул назад, мы же ринулись по переходу на желтый свет, так как в это время 25-й троллейбус, припадая на выбоинах, приближался к гастроному, и я увидел в окне родню, высматривающую нас на остановке. В тот день мы, к всеобщему удивлению, не опоздали и плюхнулись на места, которые нам преду-

смотрительно заняли сумками.

– Следующая станция – дорожный техникум, – хмуро объявил водитель.

Тетя Валя, страдающая от бездетности, посадила Сашку на колени и стала с ним тетешкаться, как с ясельным. Дядя Юра дал мне «пять», а дед Жоржик обслюнявил табачным поцелуем. Он буквально светился от радости и так широко улыбался, что ему постоянно приходилось указательным пальцем возвращать на положенное место выпирающую вставную челюсть.

– Карты не забыли? – сердито спросил отец, проигравший в прошлое воскресенье страшную сумму – три рубля, за что Лида пилила его всю неделю.

– Обижаешь, своячок! Готовь еще троячок!

– Это мы посмотрим!

– И смотреть нечего: деньги идут к деньгам.

Мне приберегли место у окна: за стеклом проплывала Москва. Глядя на родной город, я испытывал странное, щемящее чувство, которое очень трудно объяснить обычными словами. Но все-таки я попробую... Вот из переулка выскочил пацан в сатиновых черных трусах и синей майке. Голова острижена под «ноль», оставлен только буйный чуб, закрывающий лоб. Мальчик катит перед собой железный бочковой обруч, направляя его длинной проволокой с загогулиной на конце, но гремучий обод все время норовит сбежать, выскакивая из этой самой закорючки. А ведь я могу сойти на сле-

дующей остановке, познакомиться с пареньком, узнать, как его зовут, и объяснить: если кончик проволочной загогулины чуть-чуть загнуть буквой «Г», то обруч уже не выскочит, так и будет катиться вперед, поворачивая куда надо и объезжая препятствия.

Заодно, можно выяснить, где чубатый учится, в каком классе, кем работают его родители, чем он увлекается. Если тоже содержит аквариум, тогда хорошо бы условиться об обмене мальками... Можно зайти в его двор, познакомиться с тамошними пацанами и девочками. В общем, попасть в совершенно чужой мир, населенный новыми, не известными мне людьми. Я могу это сделать, но никогда не сделаю, так как еду в Измайлово, и все чужие жизни, мелькающие за окном, навсегда останутся мне неведомы, хотя я и могу сойти на ближайшей остановке. Между этими «могу» и «никогда» спрятана тайна, которая томит меня, точно странный взгляд Шуры Казаковой, брошенный в мою сторону во время контрольной работы...

Размышляя, я наблюдал, как по мере приближения к Измайлову старинные особнячки и церкви без крестов уступают место высоченным «сталинским» домам (их так все называют), украшенными разными архитектурными курчавостями, потом «сталинки» сменяют «хрущевки» – пятиэтажки, будто сложенные из огромных грязно-белых кубиков, а следом, через пару остановок, к небу устремляются голубые новостройки вперемежку с деревенскими избами: из печных труб вьется дымок, возле крылечек роются в земле куры, сквозь редкий забор видны взрыхленные грядки с зелеными шильцами молодого лука. На память приходят Селищи, и сердце теплеет от мысли, что скоро мы все поедем на Волгу.

Глазея в окно, я по привычке улавливаю разговор взрослых — Лиды с бабушкой Маней. Подслушивать, конечно, нехорошо, но пропускать мимо ушей разговоры взрослых тоже не стоит: очень познавательно! После того как они подробно перечислили друг другу все, что наготовили и сложили в сумки, речь зашла про то, и-за чего лучится сегодня от радости Жоржик. Ах, вот оно в чем дело! Ура! Наконец-то! Давно бы так! Ну, теперь-то мы снова сплаваем на другой берег Волги, где в Нерлинском заливе, говорят, берет лещ размером с таз для варенья. А то ведь в прошлый раз... Пушечный окрик из капитанской рубки теплохода до сих пор гремит у меня в ушах!

К тихим беседам взрослых прислушиваться очень полезно, можно узнать немало интересного, даже ошеломительно-го. В низкорослом детстве, если я себя плохо вел, меня ставили в угол или же отправляли в ссылку под праздничный стол, где мне даже нравилось, ведь взрослые, раскаявшись в своей жестокости, незаметно просовывали мне под скатертью то конфетку, то кусок кекса, то эклер. Я с удовольствием уплетал все это, слушая беседы, доносившиеся сверху, и разглядывал ноги родственников и гостей, а вели себя они под столом по-разному, порой очень даже странно.

Башашкин постоянно постукивал остроносыми полуботинками о паркет, словно отбивал барабанный ритм. Тетя Валя, пользуясь тем, что никто не видит, скидывала туфли и шевелила пальцами ног, точно играла на невидимом детском пианино. Лида как-то боязливо прятала скрещенные ноги под стул и нервно почесывала колени. Жоржик, если везло в карты, исполнял под столом что-то вроде «ковырялочки» из русского народного танца, который мы разучивали в детском саду. А соседка Былова, зайдя на огонек, норвила под столом наступить каблучком на ботинок Тимофеича, против чего он явно не возражал. Абсолютно неподвижны были только ноги дяди Коли, двоюродного брата Лиды, но это из-за того, что он с детства ходил на протезах – попал

под трамвай. В общем, под скатертью кипит тайная жизнь и есть на что посмотреть.

Как-то, отбывая наказание под столом, куда меня отправили за проказы, я услышал разговор Батуриных и Марфуши, бабушкиной крестницы, которую раньше не видел. Она приехала в Москву после долгой разлуки из Алма-Аты, туда ее забросила эвакуация, там она устроилась на работу, вышла замуж за местного казака и осела. Так вот, тетя Валя, когда остальные, выпив-закусив, пошли гулять по Овчинниковской набережной, рассказывала Марфуше о том, что случилось в нашем роду, пока они не виделись и даже не переписывались.

– Ой, Валюш, а я тебя совсем девочкой помню! – как заведенная, повторяла крестница.

– Да и ты еще в девушках бегала, – соглашалась моя тетка. – Ой, а что тут в войну-то было!

Многое я знал из рассказов и обмолвок взрослых, например, про огромную бомбу, упавшую на Пятницкой улице, уничтожившую несколько домов и выбившую стекла в округе до самого Балчуга. Осколки потом неделю выметали. А еще часто вспоминали, как рассеянная Лида обронила карточки на хлеб. Хорошо, соседка нашла на лестничной площадке и принесла плачущей Марье Гурьевне. Впрочем, у маман была своя версия, она все валила на старшую сестру, мол, Валька затеяла игру в салки по пути в раздаточный пункт. Я снова услышал рассказ про то, как отца призвали

на войну, и он, отпущенный проститься с родными перед отправкой, примчался с Маросейки пешком через Москворецкий мост на Пятницкую, чтобы похвастаться перед Лидой новеньким обмундированием: они еще подростками познакомились на катке возле «Ударника». А через два дня вышел приказ Верховного, отменившего призыв 1927 года, чтобы мальчишки немного подросли и поучились. Отобрав форму, ребят вернули домой, и все над отцом подшучивали, мол, без него теперь Гитлера поймают, а сестры Бурминовы, картинно надув губы, уверяли, что в штатской курточке Мишка им совсем не нравится. Вот какими язвами были. Отец страшно переживал, даже порывался сбежать на фронт...

*Мишка, Мишка, где твоя улыбка,
Полная задора и огня?*

Башашкин же мурлычет эту песню по-своему: «Мишка, Мишка, где твоя сберкнижка?»

Но из разговора с Марфушей я узнал кое-что новенькое. Оказывается, до Жоржика бабушка Маня жила вместе с дядей Ваней, Иваном Ивановичем, мужем своей собственной сестры Груни, Аграфены Гурьевны. Ее первый супруг, как и мой родной дед Илья Васильевич, погиб на фронте, точнее, в звании сержанта вернулся из госпиталя домой и вскоре умер от ран. Аграфена осталась одна с маленькой дочерью – тоже Валею и сыном Николаем, который в детстве попал под

трамвай и потерял обе ноги, но не отчаялся и даже катался на коньках, да так здорово, что никто не догадывался о детских протезах. Во время войны жили бедно, голодно, даже картофельные очистки ели за милую душу, поэтому безногого Колю пришлось сдать в детский дом – там было трехразовое питание.

И вот как-то бабушка Груня, отправившись на барахолку, чтобы обменять вещи на продукты, познакомилась там с толстым офицером-интендантом, и тот, прицениваясь к башмакам и диагональным брюкам умершего сержанта (как штаны могут быть диагональными – я не понимаю), с первого взгляда в нее влюбился. Дядя Юра, участвовавший в разговоре, подливая женщинам в рюмки красненькое, заметил, мол, ничего удивительного тут нет: Аграфена в молодости была чудо как хороша, а грудью взвод фрицев могла придавить.

Толстый интендант вызвался проводить вдову до дома, чтобы какие-нибудь хулиганы, а их тогда развелась в Москве прорва, не отняли у нее выменянные харчи. Потом офицер по протоптанной дорожке зачастил к ним, и всегда с гостинцами. В общем, решили они жить вместе, одной семьей, а еды с тех пор стало вдоволь, даже Лиде и тете Вале, вернувшимся с бабушкой из эвакуации, по-родственному перепадало. Дядю Колю забрали из детдома, интендант подобрал ему на складе очень удобные, легкие английские протезы вместо тяжелых кустарных деревяшек. Появились излишки, и тетя Груня, любившая поторговаться, приноровилась носить

продукты на барахолку, чтобы одежду выменивать для детей, которые на хорошем питании быстро росли. О себе тоже не забывала. Однажды за банку топленого масла она сторговала старинную брошь с зелеными камушками и всегда потом прицепляла ее на грудь, если шла в гости. Когда я с младенческим любопытством тянул ручонки к этой брошке, мне строго говорили:

– Нельзя! Музейная вещь!

И вот как-то раз на Тишинском рынке к Аграфене Гурьевне прибилась молодой солдатик Ваня, демобилизованный по ранению. Он сбывал трофейные иголки для швейных машинок – страшный дефицит по тем временам. Тетя Груня стала прицениваться, слово за слово, посмеялись, переглянулись, а боец по простоте возьми и напросись в гости, но не на дармовщинку, а со своей выпивкой. Интендант, как на грех, отбыл в командировку в Омск. Засиделись за разговорами допоздна, хватились, а по ночной Москве от Беговой в Сокольники пешком идти долго, да и опасно: разденут или прибьют. В общем, постелили Ване на сундуке. По совести сказать, он тоже Аграфене понравился: веселый, цыганистый и на гармошке, как покойный супруг, играть мастак, частушку такую иной раз завернет, что женщины краснеют и ладошками закрываются.

*Эх, Семеновна,
С ума спятила:*

*Мужа не было —
Деток пятеро...*

Но Аграфена ему сразу призналась, мол, не одинокая она, сошлась из-за ребятишек с хорошим человеком — интендантом, поэтому ни о какой такой взаимности речи нет, зато есть у нее родная сестра Мария, тоже вдова, и, что интересно, похожи они так, что их порой путали. Одним словом, познакомила она красноармейца Ваню с молодой тогда еще бабушкой Маней, мол, не пропадать же такому добру! В ту пору пригодные мужчины, даже слегка покалеченные, наперечет были: одни погибли, другие в плену доходили, третьи довоевывали, и за каждым холостяком, даже белобилетником, очередь бабенок, точно за хлебом, выстраивалась.

Бабушка Маня как услышала предложение сестры, так руками замахала: «Совсем ты, Гранька, с глузду съехала!» Да и сам дядя Ваня поначалу осерчал на такое предложение, мол, что я вам — вымпел переходящий или кубок спартакиады? Потом присмотрелись друг к другу, помялись, поскромничали, сходили в кинотеатр «Ударник» на «Двух бойцов», погуляли под ручку по бульварам, а там и сошлись, как тропки в поле. Но бабушка Маня с самого начала честно предупредила, что Илья-то Васильевич не погиб окончательно на фронте, а лишь пропал без вести, если вдруг воротится, то без всяких разговоров: вот, Ваня, тебе — бог, а вот — порог. Тот посмотрел исподлобья, вздохнул и согласился, поклади-

стый солдатик попался, воду можно на нем возить.

Наконец, грянула долгожданная Победа, засверкали салюты, эшелоны с возвращающимися бойцами народ забрасывал цветами, все ликовали, обнимались, поздравляли друг друга. Интенданта демобилизовали, и тут выяснилось, что у него в Омске имеется жена и трое детей, к которым он и убыл, обливаясь горячими слезами, а напоследок принес Аграфене Гурьевне на память о себе сережки с зелеными камушками – точь-в-точь к брошке, – и еще огромный тамбовский окорок со слезой, смотреть на который сбежался весь двор. Груня, по совести сказать, не очень-то и горевала, жить после войны стало полегче, дети подросли, окрепли, да и относилась она к сожителю скорее с благодарным уважением, нежели с сердечной милотой. Нравился-то ей совсем другой...

Проводив благодетеля на вокзал, она сразу поехала на Овчинниковскую набережную, где в старом деревянном домике жила сестра с гармонистом Ваней, устроившимся на военный завод и получавшим теперь приличную зарплату и паек. Пришла Аграфена не с пустыми руками, с добрым куском окорока и бутылкой водки под названием «сучок». Дело было днем, в доме никого: Иван Иванович трудился на предприятии, дети учились. Сестры выпили, закусили деликатесом, а потом старшая и говорит, мол, так и так, младшенькая, интендант мой в Омск к семье отъехавши, а Ванюша мне с самого начала на сердце лег. Так что, попользовалась

пареньком, и ладно, не смылился, а теперь верни по принадлежности!

Бабушка Маня спорить не стала, так как сошлась с ним от трудной жизни и больше по уговорам старшей сестры, нежели по страстному влечению. В общем, когда дядя Ваня с получкой и гостинцем для Лиды и тети Вали вернулся с завода, у порога стоял его собранный чемоданчик, покрытый почищенной шинелькой. Увидав сестер, сидящих рядком-ладком за накрытым столом, солдатик все понял, выпил поднесенную стопку и заплакал на радостях. Он-то все это время скучал и томился по Аграфене, и она, взяв его крепко за руку, увела к себе домой, на Беговую. А бабушка Маня, проводив гостей, поставила тесто и снова стала ждать своего пропавшего без вести Илью Васильевича, с которым, надо сознаться, жила до войны не слишком дружно. До драки дело доходило...

– Вот чудеса, прости господи! – воскликнула Марфуша и так от удивления брыкнула под столом ногой, что рюмки задребезжали, а я еле увернулся от каблука с набойкой.

– Это еще пустяки, обычная рокировка, – засмеялся Башашкин. – Вон народная певица Звонарева разом с двумя мужьями живет. Оба законные. Один на балалайке, второй на баяне. И ничего!

– Ладно тебе сплетни молоть, – одернула его тетя Валя и продолжила рассказ.

...Прошло года два-три, и однажды к Марье Гурьевне в дверь постучался сапожник. Тогда часто разные умельцы по домам ходили – чинили, строгали, лудили, паяли задешево. Величали нежданного гостя Егором Петровичем, был он тоже фронтовик, как позже прояснилось, орденоносец, после демобилизации трудился на фабрике, но денег на детей и больную жену не хватало, вот и прирабатывал починкой обуви, так как в детстве, еще до революции, побегал в подмастерьях у сапожника на Хитровке. Значит, постучался Егор Петрович к Бурминовым и посулил задешево починить даже совсем уж бросовую обувь. Предложение оказалось очень кстати, так как все, что было в доме, стопталось до невозможности. Он забрал обноски в мешок, а через несколько дней явился и выложил на лавку свое рукоделье – все просто

ахнули: дырявые валенки были аккуратно подшиты кожаными лоскутами, стесанные вкривь каблуки нарощены и подбиты, а стертые до дыр подметки заменены новыми. Туфли и ботики начищены до блеска. И цену запросил смешную. Мастера, конечно, за такую работу позвали к ужину, угостили рюмочкой под квашеную капусту и моченые яблоки. Гость разомлел, рассказал, где и как воевал. Бабушка на всякий случай поинтересовалась (она у всех фронтовиков спрашивала), не встречал ли он на боевых путях-дорогах солдатака по имени Бурминов Илья Васильевич. Нет, не доводилось... Потом, повлажнев взглядом, стал боевой сапожник рассказывать про детишек-отличников – Риту и Костю.

– А жена что ж? – как бы вскользь спросила бабушка Маня.

– Анна Самсоновна у меня очень хорошая женщина, добрая, домовитая, работающая, ждала меня с фронта честно и беспорочно, да вот шибко хворает третий год – в холодном цеху простудилась...

– Ну дай ей бог здоровья! А вы, Егор Петрович, часом в керегазах не разбираетесь? Что-то наш уж больно шумный стал. Не рванул бы...

– Что мне, разлюбезная Марья Гурьевна, ваш керегаз, если я танковые движки вот этими самыми руками под обстрелом перебирал! Смотрю, и стол у вас расшатался, как пьяный...

– Пьяный? А сами-то вы как с этим делом? – осторожно

спросила бабушка, намучившаяся в свое время с Ильей Васильевичем, буйным во хмелю.

– Бывает, – потупился сапожник. – С тоски...

Слово за слова, и влюбился он в Марию Гурьевну по уши. Марфуша, выслушав, согласилась: хоть Маруся и не такая броская, как старшая сестра, но была в ней тихая манкость, так у них в родном селе Гладкие Выселки выражались про скромных присух. Не зря же супруг-покойник спяну-то ее жутко ревновал, чуть на стенку не лез. Повода не давала, а поди ж ты...

В общем, долго Егор Петрович к ним ходил, а когда все перечинил, перепаял, перестругал, понял, что присох. Мучился он, страдал, перед больной женой и детьми виноватился, даже с сердцем в больницу попал. Тут ему сама Анна Самсоновна сказала: мол, иди уж, коль чужая постель мягче, только детей не забывай! Бабушка Маня его поначалу от живой жены принимать не хотела, отмахивалась, стыдилась, что люди скажут, а потом сжалилась над ним и над собой, но строго предупредила, во-первых, водкой не увлекаться, а во-вторых, если пропавший без вести Илья Васильевич паче чаянья вернется домой, любовь любовью, но тогда никаких разговоров: вот тебе – бог, а вот – порог...

Илья Васильевич, конечно, не вернулся, а бабушка сжилась с новым мужем душа в душу и стала звать его Жоржи-ком. Выпивал он в меру, по вечерам после работы надевал длинный фартук, сшитый из старой клеенки, и садился на

табурет в особом уголку, где были развешаны по стене и разложены на полках специальные инструменты: молоток с раздвоенным носиком, шила разных размеров, прямые и загнутые, кусачки, плоскогубцы, ножи с короткими скошенными, страшно острыми лезвиями. Мне их строго-настрого запрещали трогать, каждый раз рассказывая историю мальчика, который не послушался и остался без двух пальцев. Самое ужасное: без указательного, а ведь без него стрелять из винтовки никак нельзя, поэтому в армию его не взяли – и во дворе все смеялись над ним. Ведь это самый настоящий позор!

В круглых коробках из-под леденцов внасыпь лежали гвоздики разной величины, не только железные, но и деревянные. В лубяных туесках хранились лоскуты разноцветной кожи и мотки суровой нити. Жоржик садился, вынимал из мешка ботинок, сданный ему в ремонт, осматривал, качая головой и поражаясь степени износа, потом надевал его подошвой вверх на сапожную лапку... Ох, уж эта лапка! В детстве я ее страшно боялся, считая почему-то той самой костяной ногой Бабы-яги. На самом же деле это была деревяшка чуть толще лопатного черенка, а к ней крепилась под углом стальная продолговатая пластина, выдерживавшая хороший удар молотка при забивании гвоздочков в подошву.

Чтобы соседи не ругались, не жаловались домоуправу на ежевечерний стук у Бурминовых, Жоржик чинил им обувь бесплатно. Но рыбий клей на общей кухне ему все-таки варить не разрешали, он делал это в дальнем углу двора на

костерке, передавая жестянку с вонючей вязкой тюрей через форточку, чтобы не насмердить в общем коридоре. Потом, когда деревянный дом снесли, а бабушке дали комнату в соседней, надстроенной восьмиэтажке, сапожных дел мастеру пришлось перейти на магазинный, почти не пахнувший клей, но крепость у него была совсем не та, что у заварного.

На круг Жоржик зарабатывал очень неплохо, Лида его даже Тимофеичу иной раз в пример ставила, отчего отец багровел и ворчал, что, мол, не для того техникум окончил, чтобы валенки подшивать. Егор Петрович и своих детей поднял, и Лиде помогал, когда она в Воронеже на пищевика училась. Сын и дочь Жоржика по праздникам приходили в гости на Овчинниковскую набережную, там в комнате у бабушки отмечали Ритин аттестат зрелости и офицерские погоны Кости, окончившего военное училище. Анна Самсоновна, с которой Жоржик так и не развелся, чтобы в лишних бумажках не запутаться, конечно, на пироги к сопернице никогда не заглядывала, но бабушка всегда ей передавала с Костей или Ритой то кусок кекса, то холодец из свиных ушек, то поллитровую банку домашней трески под маринадом, которую Башашкин с восторгом называл «белорыбицей в собственном соку»!

Про войну Жоржик не рассказывал, хотя я его постоянно просил: в школе нам поручили разузнать и изложить на двух страничках подвиг отца или деда – для Музея боевой славы. Но он только отмахивался, мол, какие там подвиги? Жив

– и слава Богу! Странно, конечно, ведь на войне награждают именно за героизм, а Жоржик имел два боевых ордена – Красного Знамени и Отечественной войны первой степени. Чтоб не протыкать единственный костюм толстыми булавками, он отсоединил награды от полосатых колодок, и бабушка два раза в год, на майские и февральские праздники, приметывала ордена за петельки черными нитками к пиджаку, а потом спарывала. 23 Февраля и 9 Мая все фронтовики округи надевали награды и шли слушать сердечные поздравления в красные уголки и клубы.

Сойдясь с бабушкой, Жоржик стал вывозить нас летом, как говорит Башашкин, «всем колхозом» на Волгу в Селищи. Сам он был родом из соседней деревни Шатрищи, которую выселили перед тем, как запустить Угличскую плотину. До Кимр мы добирались на теплоходе, шлюзуясь всю ночь, а утром пересаживались на катер и плыли еще час до того места, где в великую русскую реку впадает Калкуновка, а по берегу раскинулись Старые и Новые Селища. Катер шел с остановками, как автобус, приставал к понтонам и дебаркадерам, развозя заодно душистый свежий хлеб по сельпо. Так вот, недалеко от Белого Городка Жоржик всякий раз показывал мне на берегу большую смоленую лодку, наполовину вытасненную из воды и привязанную цепью к железному крюку, вбитому в песок.

– Нравится, Юрок?

– Ага!

– У меня до войны такая же была. Точь-в-точь. Видно, один мастер ладил. Я договорился, недорого отдают. У хозяйина рука отнялась – веслиться не может.

– Надо брать, – кивал я. – Будем на другой берег плавать. Там, Витька сказал, клев чумовой!

– И я так думаю – надо. Да вот беда, Марья Гурьевна категорически против. Ворчит, баловство это: лодка нужна на месяц раз в году, а все остальное время будет гнить на берегу. Я уж и так, и эдак... Ни в какую! Отвечает: лучше тебе новый костюм справим. А зачем мне новый-то? Мне этот бы сносить.

Несколько лет дед Жоржик мечтал о лодке, а бабушка упиралась и вдруг неожиданно-негаданно согласилась. Почему? Лиде она объяснила так: снился ей Илья Васильевич, озябший, в шинельке, и упрекал, мол, что ж ты, говорит, моему верному заместителю Егору Петровичу лодку зажимаешь? Он же тебе к Восьмому марта «Красную Москву» подарил? Подарил! Не поскупился. Целых пять целковых отдал! А ты? Не по-людски поступаешь. Вернись – поколочу!

– Вот и скажи, Лидуш, откуда Илюша про духи узнал? Стало быть, они на том свете все про нас всё знают!

– Ой, мама, ну, что за глупости! Какой еще тот свет? Гагарин в космосе никакого Бога не видел, а рая – тем более. И мало ли что во сне причудится. Мне вот приснилось, что Мишка от меня к Быловой ушел...

– К кому? Здрасте, нужен он ей как собаке пятая нога.

– И я про то же! Просто мне неделю назад Лялька рассказывала, что за ней один сослуживец ухлестывает, мочи нет...

– Это нехорошо. Алька у нее – мужик-то не злой, хоть и употребляющий.

– И ты, наверное, накануне папу вспоминала? Вот он и приснился тебе. А лодку купите! Жоржик весь измечтался. Он ведь и не пьет теперь почти...

– Да куда уж с таким сердцем!

В общем, бабушка все-таки согласилась, и Егор Петрович в субботу дал телеграмму в Белый Городок хозяевам лодки, мол, никому не продавайте, высылаю деньги. А потом помчался в сберкасса. Хотя они уже закрывались, короткий день, он успел предупредить сотрудницу, что в понедельник снимет крупную сумму – целую сотню! Вот почему в то памятное воскресенье Жоржик светился, как юбилейный железный рубль, а дядя Юра всю дорогу до Измайлова расспрашивал счастливицу, как будет обмывать долгожданное приобретение и куда первым делом поплывет.

– На Нерль. Там леши берут – с таз! – объявил Жоржик и от волнения достал из кармана янтарный мундштук, хотя в троллейбусе курить категорически воспрещается.

Через двадцать минут мы сошли в Измайлове. С одной стороны к шоссе вплотную подступали новые блочные дома, на тесных балконах, которые использовались вместо чуланов, можно было увидеть рванный абажур, хромую табуретку, треснувший аквариум, пару деревянных лыж с черным сатиновым мешком, напаянным на острые загнутые концы. Рядом с хламом, облокотившись на перила, курил волосатый мужик в синей майке. На народ, вываливавший из троллейбуса, он разглядывал с насмешливым недоумением, так люди, живущие у моря, смотрят на сошедших с поезда отдыхающих, которые, срывая на ходу одежду, бегут к берегу, чтобы, визжа, бухнуться в долгожданную воду.

Через дорогу начинался самый настоящий лес, не огороженный никаким забором. Майские, нежно-зеленые листья еще не загустились, не скрыли сплетения ветвей и веселых птиц, суесящихся в прозрачных кронах. Прелый, прошлогодний наст еще не скрылся окончательно в свежей траве, только набирающей силу, среди золотых одуванчиков не видно пока ни одной седой головки, а юная зубчатая крапива только учится жалить. Я заметил пыльную литровую банку, примотанную проволокой к пестрому стволу, на дне виднелась мутная жидкость: кто-то хотел набрать березового сока, да, видно, припозднился.

Над началом широкой утоптанной тропы, петляющей между стволами, возвышалась сваренная из водопроводных труб арка с полукруглой надписью поверху:

ИЗМАЙЛОВСКИЙ ЛЕСОПАРК

Рядом красовался большой железный плакат: на первом плане приоткрытая коробка спичек с хищно оскалившимися серными головками, а вдали – охваченные красным огнем уступчатые ели, из которых спасается бегством белочка, в ужасе схватившаяся лапками за кисточки ушей. Когда меня впервые взяли в Измайлово – на травку, я еще ходил в детский сад, и вид несчастного зверька расстроил меня до слез. Позже, научившись складывать буквы в слова, я прочел надпись на железном плакате:

НЕ ШУТИ С ОГНЕМ!

Углубляясь по тропе в лес, мы, как обычно, долго выбирали место поровней и поукромней. Но пустынный уголок в воскресенье в Измайлове найти нереально: пол-Москвы выезжает из тесных коммуналок и общежитий на природу, погреться на солнышке и размяться после трудовой недели. Что их гонит на природу – зов обезьяньих предков или воспоминание о рае – понятия не имею, но и сам чувствую здесь, среди деревьев, какую-то уютную безмятежность, хотя вокруглюдно, шумно и суетно.

Кажется, сотни скатертей-самобранок, огромной стаей спланировав с неба вниз, расстелились по земле между ку-

стов и деревьев. Вокруг закуски, разложенной на клеенках, расселись и разлеглись млеющие горожане. Чтобы, как говорит Башашкин, «подышало тело», они расстегнулись или разделись. Глава семьи обычно остается в майке и сатиновых трусах до колен, голова прикрыта шапочкой, сложенной из газеты, или носовым платком с концами, завязанными узлами. Хозяйки щеголяют в летних сарафанах на тонких бретельках, а то и попросту в белых ребристых лифчиках. Все, как один, разуты и шевелят босыми пальцами, уставшими от обуви. Я заметил: у одной коротко стриженной дамы ногти на ногах выкрашены ядовито-красным лаком, и вопросительно глянул на дядю Юру.

– Педикюр, – ответил он. – Тлетворное влияние Запада.

Рядом с отдыхающими родителями озоровала ребятня, получая на бегу подзатыльники и бутерброды с колбасой, которые тут же, на ходу, съедались. Груднички орал в колясках или люльках, подвешенных к толстым сучьям. А старшеклассники украдкой мотались в кусты курнуть по-быстрому, чтобы не догадались родители. Густой ельничек шевелился, как живой, оттуда время от времени с независимым видом выходили, поправляясь, отдельные граждане.

Некоторые отдыхающие повесили на сучки транзисторы в кожаных чехлах, настроив приемники на музыку и песни:

В городском саду играет духовой оркестр.

На скамейке, где сидишь ты, нет свободных мест.

Лысый дядька в абстрактной шелковой пижаме держал на коленях импортной магнитофон размером с обувную коробку, красные катушки вращались – одна быстрее, другая медленнее, и по лесу тянулся плакучий с картавинкой голос:

Где вы теперь? Кто вам целует пальцы?

Куда ушел ваш китайчонок Ли?

Вы, кажется, потом любили португальца?

А может быть, с малайцем вы ушли?

– Смотри-ка, Вертинский! – присвистнул дядя Юра.

– Ты его знаешь? – удивился я.

– Один раз с ним на концерте вместе работали. Он умер.

Гуттиэре помнишь?

– Из «Человека-амфибии»?

– Да. Его дочка – Настя!

В тот памятный день мы долго бродили в поисках укромного уголка, Башашкин требовал пристанища, картинно возмущался, жаловался на голод и жажду, Тимофеич поддакивал, а женщины, как нарочно, привередничали, словно выбирали место на всю жизнь, для постоянного обитания и оттягивали тот момент, когда, наконец, можно будет обмыть будущую лодку. Жоржик счастливо улыбался, кивал и готов был расположиться на любом буераке.

– Какое сегодня солнышко хорошее! – озирался он. – Ласковое! Уж давайте сядем хоть где-нибудь, уморился я что-то, запарился... – и вытирал крупный пот со лба. – Душно нынче...

– Наоборот, свежо... – возразила тетя Валя. – А я кофту не взяла...

Наконец устроились под плакучей березкой. С одной стороны нас закрывал от любопытных взглядов орешник с новенькими, словно вырезанными из зеленых промокашек, листиками, а с другой росли рядом полтораметровые елочки, такие обычно рубят и наряжают к Новому году. Над ними летал туда-сюда волан, кто-то играл в бадминтон. Место отличное, удобное для пикника, не заняли его, наверное, из-за нескольких свежих кучек земли, выброшенных наружу проснувшимися кротами, но мужчины их быстренько затоп-

тали, почти сровняв с поверхностью.

– А кроты там не задохнутся? – забеспокоился я.

– Это хорошо, что ты о животных заботишься! – заметил Лида. – Может, Миш, все-таки дырочки оставим?

– Не волнуйся у них ходы с вентиляцией по всему лесу прорыты, – успокоил Тимофеич. – Не то что у нас в цеху! – Он весело нервничал, как все мужчины, которым предстоит выпивка.

Мы застелили острую травку двумя клеенками, придавив по углам, чтобы не топорщились, обувью: все разулись и ходили босиком. Из сумок достали еду да питье в бутылках. Кушанья, приготовленные заранее, привезли в кастрюльках и банках: винегрет, салат оливье, соленые грибки и огурчики, квашеную капусту, прошлогоднюю, сероватую, слежавшуюся, выскребли с самого дна кадки, она стоит у нас на первом этаже, в холодном чулане, которым пользуется, как кладовой, все общежитие. Селедку заранее разделали и кусочками утрамбовали в майонезную банку, залив подсолнечным маслом. Я не удержался и стащил огурчик.

Пока раскладывали закуски, волан пару раз залетал к нам и падал на скатерть. Тут же прибежал курчавый очкарик в простроченных импортных шортах из плащовки и всякий раз так долго и задушевно извинялся, что никто на него не сердился.

– Вот, тезка, – наставительно заметил Башашкин. – Учись вежливости у интеллигентных людей!

– Наверное, евреи – предположила тетя Валя, нарезая любительскую колбаску и отдавая мне шкурки. – У нас в главке есть бухгалтер Перельмутер, сто раз извинится, прежде чем попросит баланс перепечатать.

– Ну, и отошли бы в сторону, если такие интеллигентные, – буркнул Тимофеич, когда очкарик, обызвившись, снова унес волан, который на этот раз угодил в салат.

– Не уйдут. Так и будут пулять, – подтвердила свою догадку Батурина. – Точно, евреи! А каким меня Перельмутер форшмаком угощал! – закатила глаза тетя Валя.

– Фу! – отозвался я: в детском саду нас почему-то почти каждый день пичкали пересоленным форшмаком, шибавшим вдобавок затхлым луком.

– Сам ты – фу! – одернула меня Лида.

– А у нас тут селедочка свежая, малосольная, атлантическая! – похвастал Башашкин. – Марья Гурьевна, где твоя белорыбица в собственном соку?

– Здесь, здесь, зятек!

– Селедка с икрой? – спросил я.

– А как же! Тетка твоя покупала! – со значением подтвердил Батурин.

И все сразу заулыбались, вспомнив случай, когда тетя Валя в знаменитом рыбном магазине на Покровских воротах купила сельдь, как уверял продавец, «с икрой на последнем месяце», но при вскрытии в животе у нее оказалась молока, правда, довольно внушительная. Возмущенная Батурина вернулась в магазин и потребовала жалобную книгу. Прибежал взволнованный директор и, нервничая, заявил, что они почти добились звания «образцового предприятия торговли», а тут такая беспричинная неприятность.

– Гражданочка! – строго сказал он. – Это же просто смешно вашей кляузой портить нашу книгу, где одни лишь благодарности! У нас дружный коллектив и лучшие продавцы в городе.

– Это не кляуза, а упрямый факт! – возразила тетя Валя.

– Факт смехотворный! Подумаешь, трагедия: вместо икры молока. Бывает. В океане самцы тоже водятся. Каждый может ошибиться...

– Значит, у вас не самые лучшие продавцы.

– Почему же?

– Хороший продавец никогда не перепутает икряную сельдь с молочной. Я вот работаю в Главторфе и сапропель от верхового торфа с закрытыми глазами могу отличить.

– Нет, дамочка, ошибаетесь, у нас продавцы самой выс-

шей категории!

– Тем хуже для вас.

– Это почему же?

– Потому что продавец высшей категории так глупо ошибиться не мог, а значит, он сознательно ввел покупателя в заблуждение. Одним словом, об-ма-нул. А что дальше? Дальше – обвесит. Так и запишем... – Тетя Валя вынула из ридикуля двухцветную шариковую ручку, купленную на базаре в Сухуми. – Красной пастой запишем, чтобы все прочитали, ревизоры тоже...

– Стойте! – затрясся директор. – Не делайте этого! Не губите передовиков! Признаю нашу вину. Приношу вам искренние коллективные извинения.

– Ну, знаете ли, даже смешно слушать! – смертельно улыбнулась тетя Валя. – Извинения на хлеб не намажешь. – И медленно нажала большим пальцем красный рычажок, обнажив ядовитое пишущее жало.

– Остановитесь! Мы готовы компенсировать моральный ущерб!

– Это как же, хотелось бы знать?

– Могу предложить вам астраханский залом. С икрой.

– Бросьте! – возмутилась моя осведомленная тетя. – У вас, я вижу, тут целый коллектив образцовых врунов. Залом давно нет в продаже. Он вымер...

– Для широкого потребителя – да, вымер. Но для вас он жив! – наклонившись, прошептал директор.

– А так бывает?

– Бывает! – передовик торговли в подтверждение кивнул на плакат с профилем Ленина.

– Ну, так несите, взвешивайте! – смиростивилась Батурина.

– Нельзя, уважаемая, увидят покупатели, начнется ажиотаж. Пройдемте лучше в подсобное помещение...

Через пять минут тетя Валя вышла через служебную дверь со свертком такой величины, словно несла средних размеров сома.

– Сколько я должна? – спросила она, показывая глазами на кассу, где за стеклом восседала могучая блондинка, возложив пальцы с красными ногтями на клавиши бронзового аппарата.

– Ну что вы! – замахал руками директор. – Это компенсация за причиненные огорчения. Достаточно нескольких добрых слов в книгу отзывав. Но умоляю – только не красной пастой!

– Ладно...

– Всегда рады видеть вас в нашем магазине!

Пока дядя Юра в очередной раз в лицах, не хуже Райкина, даже лучше, повторял эту знаменитую историю, родня, хохоча, разложила на скатерти остальную снедь: молодой лучок, редиску, отварную картошку в мундире, нарезанный ломтями дырчатый сыр, мраморное сало, бабушкину треску под маринадом. В середину всей этой красоты поставили распис-

ную деревянную мисочку с крупной серой солью. И Лида с облегчением вздохнула.

– А почему называется «залом»? – спросил я.

– Потому: эти селедки такие огромные, что даже в бочку не помещаются, хвосты им приходится заламывать, – разъяснил дядя Юра, поддев козырек и верным движением сорвав алюминиевую пробку с четвертинки.

– Вкусная?

– Кто?

– Селедка залом.

– Белорыбица!

– А икра?

– Не хуже паюсной!

У меня потекли слюнки. Тем временем вернулся из зарослей, куда бегал по нужде, мой младший брат Сашка, он критически оглядел готовый к разорению стол и сообщил, что у соседей, наконец, переставших играть в бадминтон, есть свежие огурцы, помидоры и даже бананы...

– Бананы? – не поверила бабушка.

– Торгаши, наверное? – предположил Тимофеич.

– Ну, почему сразу – торговцы? – не согласилась Лида. – Возможно, просто у людей хорошие оклады и премии. Может, они рационализаторы. Купили на рынке.

– Ага, набегаясь с премии на рынок-то! Знаем мы этих жуков-рационализаторов! – нахмурился отец, усмотрев в сказанном намек на его зарплату, не самую высокую.

– А вот у космонавтов открытый счет, – сообщил Башашкин, чтобы сгладить неловкость.

– Это как так? – не понял Жоржик.

– А так: ты покупаешь, что хочешь, но платит за тебя государство.

– И мороженое? – заинтересовался Сашка.

– Что захочешь!

– Ну, да прямо-таки государство за тобой следом ходит и раскошеливается! – усомнился отец.

– Зачем же следом ходить? У космонавтов чековые книжки имеются. Расписался, оторвал купон и отдал в кассу.

– Как Скуперфильда в «Незнайке на Луне»? – ахнул я.

– Треплешься, Батурин! – недоверчиво усмехнулся Тимофеич. – Значит, можно расписаться, оторвать и взять на Гавриковом машину? Так, что ли?

– Можно и так. Но «Волги» космонавтам сразу после приземления выдают. Подарок от партии и правительства, – объявил Башашкин. – Юрик, хочешь стать космонавтом?

– Вообще-то у меня другие планы... – уклончиво ответил я, так как с детства боюсь высоты.

– Я буду космонавтом! – крикнул Сашка.

– Молодец! Лимонада герою! Да и нам бы пора горло уж промочить! – потер ладони Тимофеич.

– Да, природа шепчет: продай штаны, а выпей! – согласился Батурин.

На лицах мужчин появилось то особенное, мечтатель-

но-хитрое выражение, которое предшествует первой рюмке. Женщины же, наоборот, встревожились, засуетились, выясняя друг у друга, все ли выставлено на стол. И тут Лида, спохватившись, вынула из кошелки свой сюрприз – банку с майонезом блекло-красного цвета.

– Это еще что за «кровавая Мери»? – удивился Башашкин.

– Томатный майонез с паприкой. Экспериментальная партия. Если Госстандарт одобрит, будем выпускать для широкого потребителя! – гордо объявила маман.

– А попробовать можно? – робко спросила бабушка.

– Химия небось сплошная? – усомнился Тимофеич, он ко всему новому относился с недоверием.

– Ну что за ерунда! Все натуральное – томатная паста и венгерская паприка.

– Ох, венгры на войне и лютовали! – вздохнув, вспомнил Жоржик, – хуже немцев.

– Егор Петрович, ну при чем здесь война? – обиделась Лида. – Это кооперация в рамках СЭВ.

– Ладно нам здесь партсобрание разводить! – буркнул отец.

– Ну, угощай уж, дочка, затомила! – бабушка подставила лопоту белого хлеба, и все последовали ее примеру.

– Ой, консервный нож забыла! – скуксилась маман.

– Эх ты, руководитель хренов! – повеселел отец. – Ладно, сейчас как-нибудь подковырну... – Он полез в карман за

связкой ключей.

– Зачем же ковырять, господа! – гордо возразил Башашкин. – Для этого имеется всемирно известная швейцарская фирма «Венгер». Прошу не путать с оккупантами!

Дядя Юра, как фокусник, вынул свой удивительный складной нож, очень красивый, с алыми пластмассовыми накладками и белым фирменным крестиком в узорной рамке. Нож был небольшой, умещался в ладони, зато толстенький, так как содержал в себе все необходимое для жизни: лезвия разной длины, пилку, шило, штопор, ножнички, консервную загогулину и, конечно, открывалку.

– Опля! – крышка мгновенно слетела с банки. – Запах ка-
чественный! – доложил он, понюхав содержимое.

Лида чайной ложкой стала накладывать густой коралловый майонез на хлеб, все пробовали и хвалили.

– Я бы чуток соли добавила, – посоветовала тетя Валя.

– Скажу главному технологу.

– Это ты зря, дочка, – не согласилась бабушка. – Недосол на столе, а пересол на спине!

Мне новый майонез тоже понравился, он напоминал сметану, разбавленную томатным соком.

– Деликатес! – оценил дядя Юра.

– Для начальства делали, – хмыкнул Тимофеич, – а как на конвейер поставят, в рот не возьмешь!

– Минуточку! – возмутился Башашкин. – Еще не выпили, а уже закусываем! Почему не налито?

– Это верно! – одобрил Жоржик. – Кому красненького, кому беленького?

Тут надо сказать, спиртные напитки у взрослых делятся на «белое» и «красное». «Белое» – это водка, а «красное» – все стальное, кроме коньяка и шампанского, включая белое полусладкое вино, которое так любит тетя Валя. Странного тут ничего нет, севрюга, например тоже белого цвета, а считается красной рыбой.

Напитки разлили по интересам, а нам с Сашкой плеснули в эмалированные кружки лимонада.

– За что пьем? – спросила тетя Валя.

– Как за что – за Лидкин томатный майонез! – усмехнулся отец.

– Нет, пьем за новую лодку Егора Петровича! – предложил Башашкин.

– Ой, нет, нет, не надо! – встревожился Жоржик. – Нельзя! Сглазим!

– Тогда сам и скажи, не томи людей! – посоветовала ему бабушка.

– Дай бог не последняя! – провозгласил он свой любимый тост.

– Дай бог! – весело повторила родня, чокаясь – со мной и Сашкой тоже, причем брат сам тянул навстречу всем свою кружку.

– Бражник растет! – погладила его по голове тетя Валя.

– Как ее пьют беспартийные! – хлопнув стопку, отец бла-

женно сморщился.

Хорошо выпив и плотно закусив, взрослые стали готовиться к любимому послезастольному делу – игре в карты, в «сорок одно». Освобождая от остатков еды и бутылок центр клеенки, они весело обещали друг друга сегодня «наказать», «раздеть», «обставить», «обчистить» и, разумеется, заварить небывалый котел, для чего на середину ставилось блюдечко, в него бросали медь и серебро, «проходя», «поддавая» или «заваривая»... Ставки были копеечные, однако на кону иногда скапливалось до трех рублей, а один раз, и этот случай вспоминали за каждой игрой, набралось семь с полтиной. Гигантская сумма! Стоимость приличного аквариума! «Котел» взяла в тот раз тетя Валя, ей необычайно везет в карты, в худшем случае она остается при своих.

А вот в любви ей поначалу не очень-то везло, о чем я тоже узнал из тихого разговора взрослых. В первый раз она вышла замуж после школы за офицера-фронтовика, который, будучи контуженным, вскоре окончательно сошел с ума и чуть не застрелил ее из наградного пистолета в припадке беспочвенной ревности: молодая жена оказалась слишком улыбчивой. Она убежала и спряталась у соседей, а безумца отправили в психиатрическую больницу, в Белые Столбы. Пока он там лежал, тетя Валя по настоянию родни с ним развелась как с ненормальным – есть такой закон. Но бывший муж ей

передал из лечебницы восточку, мол, все равно ее любит и, когда выйдет на волю, будет следить за ней: если увидит с каким-нибудь мужчиной, убьет обоих.

Она к тому времени уже познакомилась с дядей Юрой, тот после службы вечерами играл в оркестре на танцплощадке в саду Милютина, а тетя Валя пришла туда с подругами после работы. Башашкин стал за ней ухаживать, посвящал ей соло на барабане, дарил цветы, но она наотрез отказывалась с ним встречаться, боясь расправы, однако новому знакомому ничего про свою неудачную семейную жизнь не объясняла, только грустно улыбалась. Тогда решительный Батурин поставил вопрос ребром: мол, если не нравлюсь, так и скажите – уйду не оглядываясь. Тут тетя Валя во всем ему и призналась, хотя понимала, что навеки теряет симпатичного, остроумного кавалера – кому ж охота погибнуть от руки сумасшедшего. Однако дядя Юра, человек военный, не испугался и пообещал защиту. Вскоре они стали жить вместе, но тетя Валя еще долго вздрагивала от скрипа двери и мертвела, увидев в темном переулке одинокий мужской силуэт. Оказалось, что напрасно: контуженный ревнивец умер в больнице то ли от обиды, то ли от старых ран...

Но вернемся в тот исторический вечер, когда на блюдечке скопились мятые рубли и гора мелочи. События развивались драматически: Тимофеичу вдруг пришло «очко», он восторжествовал, стал поддавать по полтиннику, все остальные, кроме Батуриной, испугались, сбросили карты, но тетя

Валя спокойно закрыла кон и, предложив посмотретья, выложила два туза. Все ахнули, она уже было потянулась к выигрышу, но тут отец вдруг сварливо объявил, что перед сдачей не сняли «шапку» с колоды. Стали мучительно вспоминать: да, кажется, в жадной суете забыли. Значит, надо переигрывать. Дядя Юра тщательно перетасовал карты так и эдак, а потом услужливо протянул бдительному Тимофеичу:

– Ну, Мишель, твоя рука – владыка!

Тот опасливо посмотрел на клетчатую «рубашку» верхней карты, замялся, поискал глазами меня и приказал:

– Ну-ка, сын, сними как следует!

– Нечего ребенка к азартным глупостям приучать! – прокрипела Лида, которая в отличие от сестры, страстной картежницы, была равнодушна к игре.

– Понарошку! – взмолился я: мне очень хотелось «снять шляпу».

– Ну если только понарошку... – разрешила она.

Я осторожно сдвинул полколоды. Карты снова раздали. И что вы думаете? Отцу пришли десятка и восьмерка крестей, а тетке – валет и девятка виной, у остальных оказалась на руках вообще какая-то разномастная шваль. Тимофеич хорохорился, пытался поддавать по двадцать копеек, потом предлагал сварить и довести котел до невообразимой суммы, но его разоблачили, предложив открыться.

– Бог не фраер, не обманешь! Валентина, забирай! Деньги в семью! – обидно захохотал Башашкин, любивший подна-

чить моего вспыльчивого отца.

– А ну вас всех к черту! – побагровев, рявкнул Тимофеич и швырнул карты на стол.

Месяц потом он не садился играть с родней, а меня попрекал за то, что я неправильно «снял шляпу», но со временем остыл – и все пошло по-старому. А тетя Валя за то, что я как раз правильно «подрезал» карты, дала мне в тот день целый рубль.

И вот родня сыто устроилась на травке вокруг клеенки, весело переговариваясь и выискивая в кошельках мелочь для начала игры.

– Эх, жалко Аграфены с Ваней нет! – вздохнул Жоржик. – Вшестером мы бы жару задали!

Бабушка Груня любила карты до самозабвения, а дядя Ваня играл без всякого азарта, только чтобы не портить компанию.

– Тезка, – попросил дядя Юра, тасуя колоду подрагивающими от нетерпения пальцами. – Ты бы показал Сандро окрестности! За мной не заржавеет!

– Да, погуляйте, – добавила Батурина. – А то опять никому никакого покоя не будет.

Вредитель Сашка развлекался тем, что, подкравшись сзади, заглядывал через плечо в карты играющих, а потом, отбежав на безопасное расстояние, радостно кричал:

– А у Жоржика два туза, один красный, другой черный! Ну как тут не разозлиться?

Я крепко взял бедокура за руку и потащил на прогулку. Брат был недоволен, так как взрослые обычно откупались от его подглядываний конфетками, он не только ел, но и запасался впрок, пряча излишки в жестяной барабан со снимающейся крышкой. Я про тайник знал и, когда хотелось сладенького, пользовался его запасами. Тоже мне хомяк! Обнаружив недостачу, Сашка подходил ко мне, пытливо смотрел в глаза и плачущим голосом спрашивал:

– Скрал?

– Вот еще! Ты сам съел и забыл.

– Врешь!

– Честное слово!

– Врать готово!

Хороший щелбан жадине или саечка обычно решали исход спора. Лиде пожаловаться Сашка не мог, так как у него с младенчества от шоколадных конфет выступали яркие пятна на щеках – диатез, в сладостях его строго ограничивали, поэтому жалоба предкам могла обернуться полной конфискацией всего содержимого секретного барабана.

Мы пошли с ним по тропинке, перешагивая бугристые корни, похожие на одеревеневших змей. Майское солнце набрало силу, пробивало раннюю листву насквозь и приятно пекло кожу, отвыкшую за зиму от загара. Повсюду на траве были расстелены клеенки и скатерти, вокруг них возлежали и сидели на корточках полуодетые люди. Недавно располжившиеся, еще жадно выпивали-закусывали, чокаясь и же-

лая друг другу здоровья. Одна компания пила не из рюмок или стаканов, а из большого окованного рога, передавая его по кругу с витиеватыми тостами, как в кинокомедии «Свинарка и пастух».

Другие, насытившись и повеселев, играли в шашки, шахматы, домино или, как наши, в карты. Три угрюмых мужика сражались в очко, приговаривая: еще, еще, себе, перебор... Мой глупый и любопытный брат хотел было заглянуть к ним в карты, но получил от меня подзатыльник. Нашел, к кому заглядывать! Без носа можно остаться.

Где-то уже плясали под гармошку: краснолицый дядька в синих трусах метался вприсядку, а дородная тетя в розовой комбинашке павой ходила вокруг, помахивая и всплескивая руками. В другом месте компания очкариков пела хором под гитару:

*Понимаешь, это странно, очень странно,
Но такой уж я законченный чудак,
Я гоняюсь за туманом, за туманом,
И с собою мне не справиться никак...*

Над полянами летали туда-сюда белые ажурные воланы, с цоканьем ударяясь о сетку ракеток. Мальчишки, назначив березовые стволы штангами воображаемых ворот, гоняли с криками кожаный мяч. На полянке, встав кружком, играли в волейбол.

– Беру! – обещал то и дело лысый пузан в бриджах, делал

зверское лицо, складывал два кулака вместе, но каждый раз промахивался. Над ним смеялись.

У девчонок были свои радости: одни прыгали через скалки, другие плели венки из одуванчиков, третьи, таинственно шушукаясь, искали место для секрета. Две подружки с помощью детского медицинского набора лечили большую куклу, уговаривая ее потерпеть и убеждая, что укол – это совсем даже не больно, во что сами, конечно, не верили.

Сначала Сашка обнаружил на согнувшейся травинке божью коровку и полез в карман за спичечным коробком.

– Ого, она старше тебя! – сказал я, пересчитав черные точки на красной глянцевої спинке.

– Да? – удивился он и решил отпустить пожилое насекомое.

Я посадил ее на ладонь, она, щекотно перебирая тонкими лапками, доползла до края подушечки моего указательного пальца и, поняв, что дальше дороги нет, полетела, подняв скорлупки надкрылий. А Сашка ей вслед протараторил:

*Божия коровка, улети на небо,
Принеси мне хлеба,
Черного и белого,
Только не горелого!*

Потом мы погнались за майским жуком. Большой, не меньше черного таракана, он, вздыбив крылья и оттопырив брюшко, с тяжелым жужжанием волочился по воздуху, едва

не задевая кустики и высокие травинки. Но поняв наш опасный к нему интерес, хрущ неожиданно взмыл к березовым верхушкам. Брат расстроился, а я взамен нашел ему несколько черно-алых жуков-пожарников с длинными усами, он поместил их в коробок, который приложил к уху, радостно сообщив мне:

– Скребутся!

Потом мы рвали и жевали кисленькую заячью капусту, цветущую белыми лепестками. Между корнями Сашка нашел странный гриб – складчатая шляпка напоминала мозговые извилины, как они нарисованы на учебном плакате в кабинете биологии.

– Поганка! – определил он и хотел растоптать.

– Нет, это хороший гриб! – остановил его старичок в полосатой пижаме. – Строчок называется. Клади-ка сюда до ку-чи! Они уже сходят...

В руках пенсионер нес капроновую шляпу, полную этих грибов. Сашка так и сделал, за что получил от деда зеленый ландрин из круглой банки. Подумав, брат сунул леденец в коробок, чтобы подсластить жукам неволю.

Миновав шумную компанию, устроившую чехарду с опорными прыжками через спину, мы вышли к пруду, светившемуся студеной синевой. Тем не менее с десятков лиловых от холода пацанов плескались в воде. На берегу, закатав длинные сатиновые трусы, стоял, покачиваясь, нетрезвый пузатый мужик с таким волосатым туловищем, что я

сразу понял: его обезьяний предок стал превращаться в человека гораздо позже остальных.

– Не надо, Леша, – умоляла, видимо, жена. – Простынешь!

– Я матрос первой статьи! – еле ворочая языком, отвечал он.

И действительно, на плече виднелась синяя пороховая наколка: русалка, обнимающая якорь.

– Пац-цаны, как водичка? – крикнул моряк.

– Т-т-еплая! – не попадая зубом на зуб, ответили ребята.

Мы с Сашкой пошли вдоль пруда. На берегу несколько удильщиков сидели, уставившись на зыбкие поплавки. Изредка рыбаки с неодобрением поглядывали на колготившихся в воде мальчишек.

– Спроси – клюет? – канючил брат. – Ну спроси!

– Тише! – одернул я зануду, зная, что здесь такие вопросы не любят.

Но мне и самому было интересно, что может водиться в пруду. Выбрав дяденьку с добрым лицом и чапаевскими усами, я остановился рядом, наблюдая, как он восьмеркой насаживает извивающегося червя на крючок и, поплевав, забрасывает снасть в воду.

– А на тесто с анисом пробовали? – вежливо спросил я.

– Баловство, – буркнул он, глянув на меня с интересом. –

Червь – самое надежное.

– И клюет?

– Да какой клев в таком бедламе! Пока ребятни не было,

карась брал... — Усач кивнул на оцинкованное ведро, где метались, еще не понимая, что с ними произошло, несколько рыбешек, чуть больше моих аквариумных гурами.

В этот момент матрос первой статьи обрушился в воду — и пруд вышел из берегов.

— Тьфу, ты, дьявол, прости господи! — осерчал добрый рыболов.

...В чем, в чем, а в ужении я разбираюсь. Каждое лето, обычно в июле, мы с Жоржиком выезжаем на месяц в деревню Селищи, стоящую прямо на берегу Волги: вышел за калитку, пересек пыльную колхозную дорогу, и сразу — обрыв, а внизу искрящаяся на солнце река, такая широкая, что не переплыть. Через месяц мы снова будем на Волге да еще со своей собственной лодкой! Я снисходительно глянул на пруд, все еще мотающийся в берегах после обрушения матроса, и усмехнулся: нашли, где ловить.

— Пойдем ландыши искать! — предложил я брату, прекрасно понимая, что найти в здешнем проходном лесу не сорванные цветы, похожие на жемчужные бусы, так же нереально, как в этом лягушатнике поймать горбатого леща.

— Не хочу! — помотал головой брат.

— А чего хочешь?

— Кушать хочу.

— А чего со всеми не ел?

— Не хотел...

— Ладно, если угадаешь, тогда возвращаемся.

Мне, честно говоря, и самому надоело слоняться. Я сорвал высокую травинку с серебристой подрагивающей метелкой на конце и спросил:

– Петушок или курочка?

– Петушок, – после мучительного раздумья предположил Сашка, испытующе поглядев на меня.

– Посмо-отрим...

Я сжал щепотью стебель и резко повел пальцы вверх, так, чтобы метелка собралась в тугий колючий бутон, отдаленно напоминающий птичку – курочку. Если же снаружи, как хвост, остается торчать самая верхушка колоска, – это уже петушок. Сделать его несложно – надо лишь в самом конце чуть сильнее сдавить стебель пальцами... Так я и поступил.

– Смотри-ка – угадал! Петушок. Ладно, возвращаемся.

Когда мы вернулись к своим, игра была в самом разгаре. Тимофеич сидел хмурый, красный, видимо, недавно ругался с коллективом. Особенно его злило, когда Батурины, оставшись вдвоем в игре, не варят «впотай», чтобы увеличить котел, а, посмотревшись и узнав, у кого сколько очков, уступают кон один другому или делят банк по-семейному. Но если им приходит шваль, они сразу же начинают уговаривать других не мелочиться, не жмотничать и заварить настоящий котел! Эти явные семейные уловки бесят моего жутко справедливого отца. Но и у него есть свои недостатки, например, такая нелепая манера: имея на руках слабый расклад, он вдруг подбоченивается, изображает баловня судьбы и поддает, лихо швыряя серебро в блюдечко. Отец наивно думает, что кто-то испугается, решив будто у него очков тридцать, и зароет свои карты или от страха предложит сварить не глядя. Но это редко удается, его хитрости видны насквозь. Смешнее Тимофеича блефует только дядя Ваня: пытаясь убедить народ в своем невероятном везении, он надувается, багровеет, его лицо принимает зверское выражение, он сам, кажется, начинает верить в свое везение. В таком состоянии может поддать целый рубль, но тут уж вмешивается Аграфена Гурьева, отнимает у мужа карты, смотрит их, зарывает, бранится, а рубль изымает из котла, как брошенный по глупости. Дядя

Ваня страшно обижается, уходит, словно навсегда, и, покурив, через пять минут появляется как ни в чем не бывало, – с добрым лицом детского доктора...

Итак, когда мы вернулись, отец сидел сердитый. Тетя Валя, выгнув карты веером, прижимала их к груди так, что подглядеть невозможно, даже если иметь глаза на стебельках, как у рака. Она смотрела вверх и что-то считала в уме, шевеля губами. Жоржик отрешенно улыбался, думая, видно, не об игре, а о своей лодке. Башашкин нетерпеливо ерзал, озираясь. Увидев меня, он обрадовался и махнул рукой, мол, скорее ко мне! Я передал Сашку Лиде и бабушке, они карты не любили и в сторонке рассматривали, развернув, выкройку, вклеенную в журнал «Работница». Оголодавшему брату тут же соорудили огромный бутерброд с колбасой, и он целеустремленно занялся обжорством, делясь впечатлениями от нашей прогулки. Дядя Юра отдал мне свои карты и, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, проинструктировал:

– Если тетка пройдет, не связывайся. Сбрось! Понял?

– Понял. А если не пройдет?

– Тогда сам решай! Деньги оставляю, – он кивнул на два столбика мелочи – меди и серебра. – Не безумствуй!

– Ладно, – ответил я, млея от такого доверия.

Башашкин, захватив газету, торопливо потрусил к дальним елочкам, а я присел на корточки, заглянул в оставленные карты и, как взрослый, нахмурился, проговорив: «Ё-ка-ла-мане!» Расклад был не ахти: восемнадцать «очей» – туз и

семерка виной. Тимофеич глянул на меня с надеждой: все-таки родная кровь, а тетка предложила посмотреться. Я, к неудовольствию отца, солидно кивнул, она заглянула в мои карты, показала свои – даму и валета червей:

– Бросай! Ваши не пляшут.

Я так и сделал. Тимофеич, негодуя, последовал моему примеру, бормоча что-то насчет мелких жмотов и махинаторов, с которыми никогда хороший котел не затеешь.

– Варим не глядя! – вдруг предложила Батурина Жоржику.

– Как скажешь, Валюша... – пробормотал тот, очнувшись, и бросил карты, кажется, толком их не рассмотрев.

Зато дотошный Тимофеич, перехватив зарытые листики, оценил приход и даже присвистнул:

– Везет же некоторым! Два туза! Зачем же ты согласился варить, Петрович?

– Валюша попросила.

– А если она у тебя сотню попросит?

– Не дам. На лодку тогда не наскребу.

– Миш, тебя не поймешь, – огрызнулась тетя Валя. – Не варят – плохо, варят – тоже не здорово!

– Ладно мозги-то мне канифолить! Сдавай!

Батурина сноровисто пересчитала деньги в блюдечке, объявила, сколько нужно доложить каждому, в результате на кону собралось больше рубля. Я смотрел, как она складно тасует колоду, и прилежно снял «шляпу», надеясь, что Башаш-

кин задержится в елочках подольше, дав мне возможность забрать котел. И в самом деле, мне пришли валет, девятка и семерка червей. Почему масть в виде красного сердечка называется червями, понятия не имею... Жоржик и Батурина сбросили. Тимофеич хитро на меня посмотрел и предложил варить, я замялся, понимая, что у него в лучшем случае очко, но он тут же завел свою песню о перестраховщиках и жмотах, с которыми никогда настоящую игру не сладишь. Пришлось согласиться, учитывая, что мы одна семья.

– Молодец, Юрка! – похвалил отец.

А тетя Валя, перехватив мои карты, покачала с осуждением головой. В блюдечке скопилось уже больше двух рублей. Тимофеич особенно тщательно мешал карты, а снять вызвали жующего Сашку, он настолько проникся важностью порученного дела, что дал мне подержать большой кусок кекса, и в результате получил назад половину, слишком поздно поняв свою оплошность. Когда сдавали, вернулся из елочек Батурин:

– А вот и я!

– Ты чего так долго? – спросила тетя Валя.

– Свежо питание! – ответил он. – Комары появились. Кусаются, как шакалы! Ну как тут без меня?

– Племянник твой наварил, – сообщила тетя Валя.

– Вот и хорошо! А мы заберем!

– Не говори гоп, пока не перепрыгнешь! – усмехнулся отец.

Башашкин принял у меня карты, в которые я еще не успел заглянуть, и стал над ними колдовать, он осторожно, буквально по миллиметру, бормоча заклинания, сдвигал, открывая масть и листики один за другим, при этом дядя Юра смешно дул на них, словно мог таким образом изменить расклад в свою пользу. В результате он натянул и надул себе двадцать пять очков – даму, девятку и шестерку крестей.

– Поддаю! – мигнул мне Батурин и бросил в тарелочку двугривенный.

– Есть такое дело! – кивнул отец и тоже поддал.

Тетя Валя внимательно глянула на мужа, вздохнула и сбросила карты. Все обратились к Жоржику: он сидел с удивленным лицом и от растерянности никак не мог найти в карманах свой янтарный мундштук, который сосал в минуты сильного волнения. За игрой мы как-то забыли про доносчика Сашку, а тот, как чертик, высунувшись из-за спины Егора Петровича, голосом потомственного ябеды заверещал:

– А у него одни картинки!

– Пас! – отец, крикнув, отшвырнул свои карты в отыгранную кучу.

– Можно посмотреть? – я потянулся к ним.

– Любопытной Варваре на базаре нос оторвали! – рявкнул он и нервно перемешал «рубашки».

– Сварим? – душевно предложил Башашкин.

– Карта обидится, – покачал головой Жоржик.

– Тогда открывайтесь! – приказала тетя Валя. – Ну, пока-

зывай, Петрович, свои – обидчивые!

И Жоржик медленно выложил на клеенку валета, даму, короля и туза бубей.

– Сорок одно! – ахнула Батурина.

– Етитская сила! – не удержался дядя Юра.

– Я же говорил, одни картинки! – Сашка прыгал вокруг нас, как вождь краснокожих.

Даже бабушка Маня и Лида, равнодушные к картам, забыли выкройку и присоединились к всеобщему изумлению. Тетя Валя стала вспоминать, когда и кому на ее памяти выпадало сорок одно, оказалось, года четыре назад дураковатому Альке Былову, бабушкину соседу, которого и за столто сажали, если не хватало игрока. Он даже не понял, какая везуха ему привалила, ведь на кону стояли копейки.

Отец тут же вспомнил свою историю. Некоторое время назад его по линии профкома отправили к морю в санаторий «Хоста» в январе – подлечить нервы, сильно расшатавшиеся из-за спирта для протирки контактов. По вечерам собирались в четырехместном «полулюксе» у шахтеров – перекинуться, и наладился к ним один местный – Рустам, мужик фасонистый и с понтами. У него с собой всегда была пачка денег. И он время от времени нагло блефовал с криком:

– Червонец под вас!

Понятно, закрыть десятку даже богатые шахтеры не решались, и Рустам, ухмыляясь, всякий раз брал кон. Но вот однажды донбассец, его все звали по фамилии – Пилипенко –

уперся. Рустам – тройка на кон, и он – тройка, Рустам – десятку, и он десятку. Наконец, местный разъярился и швырнул всю свою пачку. Пилипенко попросил взаймы у друзей. Они ни в какую, мол, отступись, без штанов останемся, а тот, чуть не плача, клянется: ей-богу верну, продам мотоцикл и рассчитаюсь. В общем, собрали по кругу требуемую сумму, Пилипенко закрыл котел и выложил: сорок одно! В результате – снял банк в девятьсот восемьдесят шесть рубчиков! Рустам только плюнул и больше к ним не приходил, а донбасец всех до конца курсовки угощал вином и пивом.

– Без малого тысяча! – ахнула Лида.

– Старыми – десять тыщ! – ужаснулась бабушка Маня.

– Ого-го, Жоржик, десять лодок можно купить! – хохотнул Башашкин. – А тебе сколько обломилось?

– Почти трешка! – гордо ответил счастливчик.

– Как раз лодку покрасить.

– И то правда!

– А четыре туза кому-нибудь приходили? – спросил я.

Повисло молчание. Наконец, тетя Валя заговорила:

– Я слышала, на Пятницком рынке перед войной мясники играли, так одному четыре туза привалило. Кон-то он взял, но на следующий день палец себе топором оттяпал...

– Типун тебя на язык, дочка! – побледнела бабушка и перекрестилась.

– Что-то прихватило спинку, не открыть ли четвертинку! – нарочито весело, чтобы перебить неприятное впечат-

ление, предложил Башашкин.

– Золотые слова, своячок! – обрадовался Тимофеич. – Раздавим мерзавчика! Как, Жоржик?

– Так вроде все выпили?

– Ха-ха! – засмеялся дядя Юра и замурлыкал на мотив популярной песни:

*Я ходил среди скал —
Четвертинку искал.
Четвертинку нашел —
За поллитром пошел...*

Он, как фокусник, вынул из кармана четвертинку «Московской».

И я догадался, почему Батурин так долго пропадал в елочках. По лесопарку бродили пенсионеры с дерюжными мешками или брезентовыми рюкзаками за спиной, как у геологов, они в основном собирали под кустами пустые бутылки, но у некоторых можно было купить с небольшой наценкой водку или вино.

– Исключительно для сугрева! – согласился Жоржик, умоляюще глянув на Марию Гурьевну.

Для «сугрева» женщины, поколебавшись, разрешили. В самом деле, стало свежо: май все-таки, да и день клонился к вечеру, в Измайлове похолодало. Солнце спряталось за деревья и только кое-где косыми лучами проникало между стволов, точно золотые волосы Василисы Премудрой сквозь ча-

стый гребень, который, если его бросить на скаку позади себя, сразу превратится в мрачную непроходимую чащу.

Выпив и закусив, стали собирать сумки, и бабушка Маня никак не могла найти свою китайскую тарелку, на которой раскладывали нарезанные сыр и колбасу.

– Где ж она? Такая – с цветочками по кайме...

– Может, и не брала ты в этот раз, мам? – пожалала плечами Лида.

– Да я еще, дочка, в своем уме.

– Разбиваем поляну по секторам! – с дурашливой деловитостью объявил Башашкин.

– Ага, ты еще служебно-разыскную собаку вызови! – ухмыльнулся отец.

– Давайте уж домой... – жалобно попросил Жоржик. – К дождю, что ли, душно?

– Вроде, наоборот, посвежело.

Я огляделся и, не обнаружив поблизости младшего брата, понял, кто спер посудину. Сашку я нашел за ельником, он положил пропажу на вершину небольшого муравейника, вызвав тем самым оживление тамошнего населения. Вся тарелка покрылась, точно живыми иероглифами, насекомыми, они бегали по фаянсу, недоуменно шевеля усиками: вроде пахнет интересно, а схватить и утащить домой нечего. Пока я стряхивал с посуды мурашей, брызгавших во все стороны кислым спиртом, брат, мужественно перенеся подза-

тыльник, излагал мне свой план переселения полезных насекомых в наше общежитие для борьбы с рыжими тараканами.

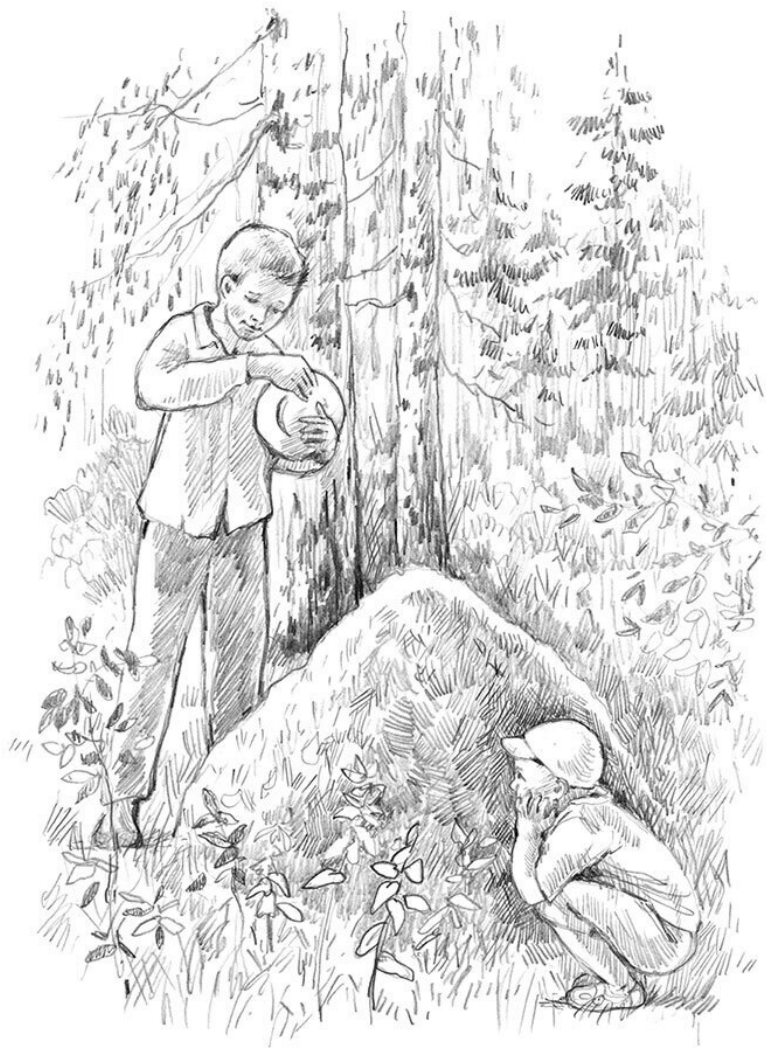
– Балда, они же кусаются! Зажрут всех.

– А приручить?

– Пошли, дедушка Дуров! Знаешь, какой там кипеж подняли из-за тарелки? Неважные дела у тебя!

– Выдашь? – спросил брат, глянув на меня с заведомым презрением.

– Посмотрим на твое поведение! – я ответил ему любимыми словами старших товарищей и спрятал тарелку под рубашку.

Когда мы вернулись, безнадежные поиски все еще продолжались, но велись явно для успокоения безутешной бабушки Мани. Она горестно сидела на пеньке, вспоминая, где и как купила шесть китайских тарелок и при каких обстоятельствах были разбиты пять из них. Осталась последняя – самая любимая. У взрослых вообще удивительная память на судьбы вещей, даже самых незначительных, вроде куса душистого мыла. Я незаметно сунул пропажу в траву и, дав взрослым еще пору минут погоревать, воскликнул:

– Да вот же она!

– Где? Точно! Я вроде там смотрел! – удивился Башашкин.

– Купи очки! – посоветовала тетя Валя.

– А кто ж ее туда положил?

– Какая теперь разница? Главное – нашлась!

– Ну вот, Маруся, а ты огорчалась! – обрадовался Жоржик и бережно передал жене находку. – Разве можно так из-за ерунды горевать!

– Вещь все-таки! – вздохнула бабушка.

Сашка благодарно посмотрел на меня, а я тем временем проклинал свое великодушие, так как на тарелке остались муравьи, и, пока я прятал ее под рубашкой, они, перебравшись на мой живот, зверски меня искусили. Как говорит Башашкин, добро не бывает безнаказанным.

Мы проверили сумки, а мусор с объедками завернули в

две газеты – «Правду» и «Вечерку», чтобы выбросить в ближайший помойный бак, похожий на ступу Бабы-яги – только с ручками по бокам. Раньше мы так не делали, а просто оставляли кучку отходов где-нибудь в кустиках, но Лида на выездном семинаре партактива прослушала лекцию одного академика об угрожающем загрязнении окружающей среды и была потрясена тем жутким фактом, что при сохранении всеобщего свинства уже следующее поколение землян будет ходить по колено в мусоре даже на далекой Амазонке. И когда наша компания снова оказалась на травке, моя впечатлительная маман, блистая слезой, пересказала угрожающую лекцию своими словами. Скептический Тимофеич называл надвигающуюся катастрофу хренотенью, что означает «тень от хрени», но остальные впечатлились и договорились: отныне уносить отходы отдыха с собой, упаковав в газеты. При этом Лида бдительно следила, чтобы на полосах не было портретов Брежнева или Косыгина. Конечно, сейчас не прежние времена, когда за селедку, завернутую в печатный снимок Сталина, могли отправить в тюрьму: Башашкин рассказывал мне про такой случай. Но и сегодня мятые лица руководителей СССР на свертке с мусором, по мнению Лиды, – это очевидная политическая ошибка, которую лучше не допускать.

Подхватив сумки и свертки, мы двинулись к выходу. Лесопарк к тому времени почти опустел. Кое-где еще догуливали, выпивая «посошок», судя по всему, не первый и не по-

следний. В другом месте, собираясь в обратный путь, расталкивали тех, кто разморился под хмельком и крепко уснул на травке. В третьем искали пропавших: взрослые в нетрезвом виде часто, как и дети, теряются. Испуганная женщина в соломенной шляпе жалобно звала кого-то, видимо, мужа:

– Петр, ты где? Мы уходим! Это, наконец, не смешно! Петья!

– Надо сбегать на пруд... – советовали ей. – Не дай бог!

– Да этот пруд можно вброд перейти.

– Пьяному лужа по уши...

На знакомой полянке тем же кружком, но слегка поредевшим, продолжали играть в волейбол, и тот же самый низкорослый пузан по-прежнему кричал: «Беру!», смешно приседал и все так же промахивался. Над ним все дружно смеялись, и я вдруг подумал, что делает он это нарочно: из лучших чувств, веселя друзей.

В кустах черемухи, к вечеру напоившей воздух парикмахерским дурманом, обнималась, всхлипывая, парочка. Мощный и абсолютно лысый мужик в белой нейлоновой рубашке хотел, казалось, поцелуем повалить на траву худую растрепанную женщину с задранными оборчатым платьем. Странно, мне всегда казалось, что любовь – это удел шевелюристых мужчин. Тонкая тетя, зажмурившись, одной рукой самозабвенно обнимала могучий затылок кавалера, а другой лихорадочно одергивала подол.

– Бесстыдники! – буркнула тетя Валя. – Милиции на них

нет...

– Безобразие! – фыркнула Лида. – Ни стыда ни совести...

– Лямур тужур! – засмеялся Башашкин. – Пятнадцать суток в одной камере им бы не помешали!

Я стал смотреть в другую сторону: не люблю телячьи нежности. Если по телевизору показывают, как герои целуются, я всегда отворачиваюсь.

По лесопарку деловито сновали старики и старухи с мешками, они собирали брошенную в кустах пустую посуду, ревниво поглядывая друг на друга. У кого-то из них и купил дядя Юра для сугрева. Но мы свою тару несли с собой, ведь рядом с нашим общежитием, на углу Балакиревского и Ново-Переведеновского, есть приемный пункт вторсырья – старый бесколесный автобус с пристроенным к нему сараем. Там за четвертинку дают семь копеек, бутылки из-под водки или пива – 12, а за шампанскую, соскоблив фольгу с горлышка, можно выручить целых 17 копеек, если только это не импорт, его не берут. Главное, чтобы не было щербинок и сколов на стекле. Скажу больше: если в винном отделе выставить на прилавок две пустые бутылки из-под минеральной воды и добавить три копейки, тебе немедленно выдадут лимонад. Но некоторые, как их называет Тимофеич, «недобитые буржуи» ленятся сдавать посуду, бросают по месту распития. Благодаря такому расточительству местные пенсионеры неплохо подрабатывают, особенно по воскресеньям.

Направляясь к остановке, мы растянулись по лесу. Первым, поторапливая остальных, шагал отец, он хотел непременно успеть к футболу по телевизору. Следом, обмахиваясь от комаров веточками наломанной черемухи, поспешали женщины, и что удивительно – шагали в ногу, как солдаты в шеренге. Тетя Валя и Лида накинули на плечи мужнины пиджаки, а бабушка надела вязанную кофту, предусмотрительно взятую в лес. Все трое негромко пели:

*Вот ктой-то с горочки спустился,
Наверно, милый мой идет.
На нем защитна гимнастерка.
Она с ума меня сведет.
На нем погоны золотые
И алый орден на груди.
Зачем, зачем я повстречала
Его на жизненном пути?*

Следом за ними шли мы: я, Сашка и дядя Юра, который горячо убеждал нас, что смотреть матч по телевизору – бессмысленно, пустая трата времени, надо идти на стадион «Динамо», и он нас обязательно возьмет с собой, как только будет стоящая игра. У Сашки загорелись глаза, и мой доверчивый брат с надеждой вцепился в волосатую руку Башашкина, на которой синела блеклая наколка, сделанная в молодости, – лира, такая же, как на петлицах военных музыкантов. А блеклая, потому что надо было пройтись по татуировке

второй раз – для яркости, но покойная бабушка Лиза запретила, а Башашкин послушался.

Что касается футбола, тут разговор особый. Я-то уже ходил с Батуриным и Аликом на матч. Ничего, по-моему, интересного. С верхних трибун поле кажется не больше дорожной шахматной доски, по которой бегают, словно ожив, крошечные пешки, гоняя мяч величиной с гомеопатический катышек. Болельщики (не все, конечно) поощрительно ревут, когда нападающий вдруг прорывается в штрафную площадку, а вратарь величиной с муравья, растопырив руки, мечется между штангами. Он наш – из ЦСКА! Если мяч пойман или отбит, Башашкин и Алик весело выпивают, разлив вино под полой. Если же он пропускает, если раздается вой восторга: «Конюшням забили!» – они хмуро выпивают, не таясь – и милиция их понимает.

– Не так шибко, ребята! – слышался за спиной жалобный голос. – Уморили!

Я оглянулся. Жоржик, отстав, плелся за нами, тяжело дыша, прикладывая руку к груди и вытирая платком лоб.

– Ты чего, Петрович, последняя рюмка не пошла? – ободряюще спросил дядя Юра.

– Видно, не пошла... – беспомощно улыбнулся дед.

– Ничего, сейчас на остановке кваском освежишься!

За деревьями показались белые блочные дома и серая полоска шоссе, по нему мелькали между стволами редкие воскресные машины. Жоржик воспрял, посмотрел на Башашки-на с недоумением и вдруг рванул, словно дурачась, вперед, обгоняя всех и смешно хватая воздух руками. Сашка захохотал и присел от восторга, показывая на спринтера пальцем.

– Дед-то у вас спортсмен! – улыбнулся прохожий с лохматой собакой на поводке. – На БГТО сдает?

– Не похоже... – растерялся Батурын.

– Жоржик, ты куда? – вдогонку всполошилась бабушка.

– Что это с ним? Куда полетел? – удивился Тимофеич, обернувшись к сестрам. – До футбола еще час!

Лида с тетей Валею только пожали широкими и острыми плечами пиджаков. Но скоро недоумение сменилось испугом: бегун начал крениться на бок, потом зашатался, запетлял и с треском рухнул в кусты у большой раздвоенной березы. Когда мы, запыхавшись, подбежали, он, страшно бледный, лежал навзничь, одной рукой держась за грудь, а второй царапая землю. Отец, поспевший первым, склонился над упавшим и шарил в его карманах:

– Где этот чертов валидол?! Петрович, куда ты его засунул?

– Жоржик, что с тобой, миленький? – зашла бабушка,

став перед ним на колени.

– Сердце печет... Больно!

– Мама, на нем же лица нет! – ахнула Лида, готовясь зарыдать.

Я посмотрел: лицо, конечно, на Жоржике было, но почти неузнаваемое, серое, как осиное гнездо, а нос, обычно красный, мясистый, побелел и заострился.

– Надо срочно мокрую тряпку к груди приложить и под голову что-нибудь, повыше! – распорядилась тетя Валя и, поискав в сумке, сунула мне в руки вафельное полотенце. – Намочи где-нибудь, скорее?

– В луже?

– А хоть и в луже!

– погоди, боржом оставался, – напомнил Башашкин и дрожащими руками вылил на ячеистую материю шипящую воду.

Потом, мешая друг другу, расстегнули ему ворот, засунули под рубаху мокрое полотенце, и я заметил, что волосы на груди у деда совсем седые. Тимофеич нашел в кармане трубочку валидола, вытряхнул на ладонь большую белую таблетку и вставил в синие губы Жоржика.

– Под язык! Сейчас отпустит...

– Душно... – Жоржик стал по-детски чмокать, рассасывая лекарство.

Бабушка Маня тем временем сняла со старшей дочери накинутый на плечи коричневый пиджак, скомкала и хотела

подсунуть Жоржику под голову, неудобно лежавшую на бугристом корне. Но тетя Валя отобрала:

– Мама, ну зачем? Потом же не отчистишь. Одежда есть!

Достав из сумки, она подложила сложенную в несколько раз байку под затылок. А тем временем вокруг собирався народ. Люди шли после пикника к троллейбусу, оставались из любопытства, скапливались, расспрашивали друг друга, высказывали догадки, сочувствовали, советовали, проявляя отзывчивость и медицинские познания.

– Выпил лишку. Бывает. Отлежится и встанет.

– Да не похож он на пьяного: краше в гроб кладут!

– Не теряйте времени, скорую вызывайте! Немедленно!

– А вы врач?

– У меня брат – врач!

– Пошли! – позвал меня Башашкин, кивнув на дома. – Там вроде телефон был!

– Мусор захватите. – Тетя Валя сунула нам газетные свертки.

Мы побежали к шоссе. На углу в самом деле стояла будка с распахнутой дверцей и выбитыми стеклами, из трубки, болтавшейся на толстом проводе, доносился вместо гудка какой-то скрип. Батурин постучал по рычажку, несколько раз дунул в мембрану, хрястнул кулаком по аппарату и выругался:

– Раскурочили, гады! Надо по квартирам пробежать, может, у кого-то дома телефон есть...

– А вон! – показал я.

– Наблюдательный!

Тот же самый мужик в майке курил, будто и не уходил с балкона. Мы подбежали, попутно бросив мусор в бак, попавшийся навстречу.

– Уважаемый, – крикнул, задрав голову, Башашкин. – У вас есть телефон?

– Откуда? Шестой год в очереди стоим.

– А у кого-нибудь в подъезде есть?

– У Збарских из 67-й. А что случилось?

– Надо скорую вызвать. Человеку плохо.

– Очень плохо! – уточнил я.

– А что так – перепил?

– Нет, сердце.

– Печет и давит! – добавил я.

– А где ж он, бедняга?

– Вот там! – Башашкин махнул рукой в сторону леса.

– Упал! – объяснил я.

– Ага, вижу: лежит. Скверно. Ладно, попробую. Вроде Збарские дома были. Ида Семеновна в булочную выходила. – Мужик бросил окуроч в жестяную банку из-под горошка и скрылся.

– А вдруг он умрет? – вслух произнес я то, о чем думал все время.

– Да ну тебя, болтун! – рассердился Башашкин. – Накаркаешь еще. Просто у деда плохо с сердцем. Переволновался:

лодку Марья Гурьевна пообещала, а потом сразу сорок одно привалило. Тоже не шутка! Мне ни разу не приходило. У нас в оркестре недавно тромбонист в лотерею ковер выиграл – еле валерьянкой отпоили...

Минут через пять на балкон вернулся повеселевший мужик и сообщил, закуривая:

– Вызвали, все объяснили: где, как и что. Бегите на дороге – карету встречайте. У нас станция рядом – быстро приезжают.

– Спасибо!

– Не за что! Главное, чтобы выкарабкался. Лежит он у вас как-то нехорошо – даже отсюда видно.

Мы помчались на шоссе, дядя Юра остался караулить неотложку, а меня послал к родне сказать, что врач скоро будет. Народу, пока мы отсутствовали, собралось еще больше, судачили, охали, сочувствовали, советовали сделать искусственное дыхание или дать нитроглицерин.

– Да уж все, что можно, дали! Какое искусственное дыхание? Он же не утопленник! – огрызнулась тетя Валя.

– Ну что? – спросила Лида, увидев меня.

– Вызвали, едет, – со значением ответил я.

– Едет! – громко повторил Сашка. – Я первый увижу!

Он, как на стуле, устроился на высоком пеньке. Оказалось, береза, возле которой упал дед, была не раздвоенная, а растроенная, просто один ствол зачем-то спилили, возможно, он слишком низко наклонился над дорожкой и мешал

проходу, в результате получилось высокое сиденье, вроде тех, что торчат у стойки бара в кинофильмах про иностранную жизнь. Жоржик лежал серо-бледный, с закрытыми глазами, судорожно дышал, одной рукой прижимая мокрое полотенце к груди, а другой вцепившись в траву. Я заметил глубокие рытвины в земле под его пальцами. Бабушка стояла перед ним на коленях у изголовья и гладила по голове, по редким влажным волосам:

– Потерпи, потерпи, милый! Доктор едет!

– Ага, улита едет, когда-то будет... – прошелестел кто-то в толпе. – Нет, не жилец...

И тут дядя Юра, сумрачно-гордый, растолкав ротозеев, привел маленькую строгую врачиху в белом халате, с чемоданчиком. На шее у нее висело медицинское приспособление для прослушивания организма: две изогнутые никелированные трубки с черными насадками для ушей сходились в тонкий оранжевый шланг, заканчивавшийся круглой металлической подошвой, которую прикладывают к груди: «Дышите! Не дышите!»

– Все отошли! – строго приказала докторша. – Театр вам тут, что ли? Ему и так воздуха не хватает...

Толпа, кажется, затаила дыхание, чтобы не отнимать кислород у несчастного, но не разошлась. Врачиха присела рядом с Жоржиком, нащупала пульс, заглянула, подняв ему веки, в глаза, а потом вынула у него из-за пазухи мокрое полотенце и прослушала его грудь.

– Как вы себя чувствуете? – громко спросила она.

– Больно дышать... – прошептал он.

– Ясно. Раньше он на сердце жаловался?

– Жаловался, – всхлипывая, сообщила бабушка.

– А вы ему кто?

– Жена я ему, – как-то неуверенно ответила она.

– Поедете с нами! Забираем.

Она встала с колен и махнула рукой – толпа раздалась. На шоссе у кареты скорой помощи стоял, опираясь на толстый дрын, здоровенный дядька в белом, напоминающий издали гипсовую девушку с веслом в парке. Увидев знак, он быстро побежал к нам наперевес с дрыном, оказавшимся свернутыми брезентовыми носилками. Их раскатали и сообщая, бережно, поддерживая голову, уложили на них Жоржика.

– Кто поможет нести? – спросила врачиха. – У меня сегодня один санитар.

– Я! – вызвался Башашкин. – А что с ним все-таки, доктор?

– Окончательно покажет кардиограмма. Похоже на инфаркт. Скорее, скорее! Иван Григорьевич, понесли уж! Не видишь, что ли!

Лида хотела на ходу застегнуть распахнутую рубашку Жоржика, но врачиха одернула:

– Не надо, будем колоть!

В понедельник вечером мы ужинали, глядя в телевизор, как смелый рабочий парень Максим издевается в тюрьме над глупым царским жандармом. Тот записывает для охраны приметы стачечников и заставляет их повторять вслух разные трудные слова, чтобы выявить дефекты речи, по которым революционеров всегда можно опознать. И находчивый Максим, глумясь, выговаривает «Арарат» и «виноград» в точности как бухгалтер Перельмутер. Я однажды заехал к тете Вале в Главторф, это рядом с метро «Лермонтовская», чтобы забрать пустые служебные конверты, она мне их специально откладывает, а я потом на пару отделяю гашеные марки от бумаги, проглаживаю теплым утюгом и вставляю в мой классер. Когда тетя Валя поила меня чаем с домашним печеньем «хворост», в приемную робко заглянул Перельмутер и сообщил, чудовищно картавя:

– Валентина Ильинична, в буфете дают виноград, крупный. Я занял вам очередь, но торопитесь! – «Р» он произносил так, словно старался воспроизвести рычание трактора.

– Ой, спасибо, Вениамин Маркович!

– Не за что! – ответил он с тем выражением лица, какое бывает у Тимофеича, если мимо проходит привлекательная женщина в короткой юбке.

Батурина вскочила и помчалась в буфет, поручив мне, ес-

ли зазвонит желтый телефон, ответить, что секретарь вышла на пять минут, а если подаст голос красный аппарат, к трубке даже не прикасаться. К сожалению, оба телефона не издали ни звука, а виноград кончился еще до того, как подошла очередь тети Вали.

...Когда жандарм приказал Максиму сказать еще что-нибудь для протокола, а революционер послал его к чертовой матери, раздался стук в дверь и зашел комендант Колов:

– Приятного аппетита! Лидия Ильинична, к телефону. Срочно!

– На заводе что-то случилось? – встревожилась маман. – Опять стеклотара кончилась?

– Ни днем ни ночью покоя нет, ударники хреновы! – проворчал отец, злой оттого, что ему после вчерашних излишеств не разрешили наркомовские сто граммов перед едой.

– Нет... там... на проводе... сами узнаете... Скорее!

«Странные люди, – подумал я. – “На проводе” – так выражались раньше, когда телефоны были с ручками, которые крутили перед тем, как позвонить. Теперь надо говорить “на связи”. Кино, что ли, совсем не смотрят?»

– Что там такое? Господи! – Лида испуганно заморгала, вскочила и побежала, щелкая шлепанцами, в каморку коменданта.

Едва она выскочила из комнаты, Тимофеич, сидевший со скучным видом, ожил, метнулся к шифоньеру, там в боковом кармане зимнего пальто таилась секретная жестяная

«манерка» с НЗ, так он называет спирт, который приносит с работы домой. Быстро налив в сиреневую рюмку и разбавив водой из графина, конспиратор выпил одним духом, занюхал и закусил отломленной корочкой черного хлеба, а потом помахал перед собой рукой, разгоняя опасный запах. Подобрев, отец погрозил мне пальцем, мол, не проболтайся! Я кивнул. Выдавать его не имело смысла, так как маман всегда чужая, если он выпивал без ее одобрения. Но и Тимофеич по глазам сразу догадывался, если безответственная Лида покупала себе на последние семейные деньги несогласованную обновку. Зачем они устраивают друг другу «народный контроль» на дому, я не понимаю!

А на экране показывали маевку в лесу. Передовых рабочих пытались выследить усаые шпики с тросточками и в котелках, похожие на Чарли Чаплина, только еще смешнее. Они шныряли вокруг да около, но стачком выставил дозорных, которые изображали беззаботных рыболовов, сидевших на берегу речки и напевавших себе под нос:

*Люблю я утром с удочкой
Над речкою сидеть,
Бутылку водки с рюмочкой
В запас с собой иметь...*

Они-то, вовремя заметив облаву, успели предупредить своих. Отец, видимо, от радости, что стачечники благополучно избежали ареста, выпил еще рюмку, снова подмигнув

мне. Конечно, его мог ненароком выдать ябеда Сашка, но брата оставили в детском саду на пятидневку, так как тетя Валя и маман договорились подменять бабушку в больнице, если врачи пустят к Жоржику: того положили в тяжелое отделение. Но медсестра за рубль успокоила родню, сообщив, что самое опасное уже позади.

Скорая помощь вчера отвезла деда в больницу на какой-то Парковой улице, но бабушку Маню дальше приемного покоя не пустили, записали со слов фамилию и возраст больного, отдали вещи госпитализированного и отправили домой за паспортом.

– Бюрократы! – возмущалась Лида, узнав про такое поведение. – Какой паспорт, зачем человеку паспорт в лесопарке? Формалисты! У нас даже в райком без паспорта можно пройти!

– Так положено, – успокоил отец. – А в райком тебя без партбилета никто не пустит.

В понедельник с утра бабушка испекла свежий кекс и повезла в больницу с бритвенными и умывальными принадлежностями, оттуда позвонила Лиде на работу и сообщила, что Жоржику лучше, он улыбнулся и попросил послать еще одну телеграмму в Белый Городок насчет лодки, мол, с деньгами вынужденная задержка, пусть не волнуются, купим обязательно.

Отец, теряя чувство меры, потянулся снова к шифоньеру, но тут вернулась бледная Лида и, ничего не объясняя, стала,

молча, в каком-то торопливом отчаянье наводить в комнате порядок: подобрала брошенные на стул вещи, рядом поставила под вешалкой обувь, выровняла стопку книг на моем письменном столе, поправила покрывало на диване, задвинула в угол Сашкины кубики.

– Ты еще полы на ночь глядя помой! – усмехнулся Тимофеич. – Что случилось, чистюля? Китайский порошок снова кончился? – добавил он, намекая на памятный всем случай.

Однажды ее вызвали на завод среди ночи, так как кончился яичный порошок и линию пришлось остановить. Виноваты были смежники, но прогрессивки лишили весь майонезный цех во главе с начальником – Лидой. Она возмущалась, ходила «за правдой» в райком, откуда вернулась подавленная.

– Ну что тебе там сказали? – ехидно спросил Тимофеич.

– Сказали: «Если на фронте кончаются патроны, идут в штыковую...»

– Что за чушь?

– Не чушь. На складе был резерв для «спецлинии», но я побоялась...

– Эх ты – чулида! А не побоялась бы, тебя за это теперь чихвостили. Терпи, руководитель! – последнее слово он произнес со злой иронией.

Но сегодня, я это чувствовал, Лида была убита не известиями из майонезного цеха, работавшего круглосуточно, она сама не своя совсем по другой причине. Наверное, что-то с

Жоржиком...

– Оденься, – маман дрожащим голосом попросила отца, сидевшего в одной майке.

– У нас гости?

– Да, мама сейчас приедет...

– С чего бы это?

– По пути из больницы.

– Что меня теща в майке не видела?

– Она не одна. С Анной Самсоновной.

– С какой еще Анной Самсоновной?

– С женой Жоржика – расписанной.

– Когда? – мрачно спросил отец после долгого молчания.

– Час назад. А ты уже и помянуть успел! – Лида кивнула она на кусок хлеба с отломанной черной корочкой.

– Да, успел! Значит, все-таки инфаркт?

– Обширный. Третий. Два на ногах перенес... Так сказали.

– Эх, Егор Петрович, Егор Петрович, и чего тебе не жилось? – спросил отец, накинул байковую домашнюю рубашку и выключил телевизор.

...Через полчаса в дверь постучали. Вошла бабушка Маня, бледная, заплаканная, а за ней следом неуверенно переступила порог морщинистая старуха с желтым костистым лицом и темными кругами вокруг опухших глаз. Обе были в черных платочках.

– Мамочка, проходи! – пригласила, всхлипывая, Лида. –

Анна Самсоновна, садитесь! Примите мои соболезнования. Может, чаю?

– Воды, пожалуйста... – прохрипела старуха.

– Сейчас! – Отец достал из серванта единственный наш хрустальный стакан и налил ей из графина.

Она, лязгая зубами о стекло, напилась, посмотрела на меня и спросила:

– Ты Юра?

– Да... – ответил я, почему-то похолодев.

– Егорушка про тебя часто рассказывал, хвалил, говорил, хорошо учишься...

– Да, Жоржик Юру очень любил... – прошептала бабушка и зарыдала в голос, а Анна Самсоновна тоже сморщилась и прерывисто засипела, видимо, так она привыкла плакать. И обе вдовы обнялись, содрогаясь.

– Помянем Петровича! – скорбно произнес отец, люто глянул на Лиду и полез в холодильник за легальной бутылкой.

– Конечно, конечно, – закивала она. – По русскому обычаю...

...На кладбище меня поразила неряшливая скученность могильных оград, они образовывали целый ржавый лабиринт с узкими проходами, сквозь некоторые даже мне с трудом удавалось протиснуться. Пока гроб несли от автобуса и устанавливали на табуретах для прощания, я успел полазить по тесным закоулкам, разглядывая пыльные надгроб-

ные плиты, кресты с завитушками, похожими на усы ползучего выюнка. Пирамидки со звездами, когда-то красными, а теперь облупившимися. Из овальных и квадратных рамок на меня смотрели грустные люди, понимающие, что они умерли. Я задержался у могилы ребенка и подсчитал по датам, что Костик Левочкин не дожил даже до моего возраста. Разве так можно? В другом месте обнаружилось надгробие какого-то деда, он родился задолго до революции, а умер только в прошлом году, немного не дотянув до своего столетия. Наверное, он не курил, делал по утрам зарядку и обливался холодной водой:

*Если хочешь быть здоров,
Закаляйся!*

Мне пришла в голову странная мысль: вот если бы долгожители могли делиться годами с теми, кому отпущен совсем уж маленький срок! Ну, как делятся с соседями по общежитию яблоками, когда в деревне уродилась обсыпная антоновка, такая, что семьей не съесть, даже если консервировать, мочить и класть в квашеную капусту. Когда я обдумывал это неожиданное соображение, меня позвали прощаться с умершим.

Жоржик изменился. Его застывшее лицо, всегда прежде подвижное, потемнело и приобрело окончательное выражение. Оно стало другим. Чего-то не хватало. Я не сразу по-

нял чего... У него при жизни из ноздрей торчали волосы, а теперь их выстригли, наверное, в морге, для последней красоты. Волосы тоже расчесали на пробор, чего он никогда в жизни не делал.

Как меня ни уговаривали, я так и не смог, прячась за спины родных и близких, приблизиться к покойнику, чтобы поцеловать лежавший на лбу бумажный венчик с загадочными буквами. Пугала мертвая улыбка синих губ и загадочные провалы глазниц с хитро сомкнутыми веками. Бабушка Груня хотела меня подвести силой, но Лида попросила оставить ребенка в покое.

Перед тем как закрыть Жоржика крышкой, бабушка Маня и Анна Самсоновна сообща поправили ему галстук, рубашку, пиджак и брючины единственного коричневого костюма. Дед лежал нарядный, словно собрался в красный уголок, где его будут поздравлять с Днем Победы. Орденов только на груди не было. Посмотрев на мыски начищенных ботинок, торчавших из-под белого покрывала, я заметил, что одна подошва чуть отстаёт. Странно вообще-то хоронить сапожника в неисправной обуви!

Когда гроб, как ящик с посылкой на почте, забив гвоздями, опустили вниз, я тоже бросил комья земли, гулко упавшие на крышку, обтянутую оборчатой красной материей. Яму засыпали так быстро, что мы и опомниться не успели. Оборванные могильщики взяли лопаты на плечи и подошли за премией за спорую работу. Тетя Валя, поджав губы, дала

им трешник, примерно столько и выиграл Жоржик накануне в карты, почему-то вспомнил я.

Поминки справляли в бабушкиной комнате. Народу собралось много, пришлось одолжить у Быловых раздвижной стол, его край высовывался через распахнутую дверь наружу, и Раффы сидели в коридоре. Башашкин сразу же стал шутить:

– А передайте-ка колбаску на Камчатку, им там закусить нечем!

Седой однополчанин, подняв дрожащей рукой рюмку и расплескивая водку, долго объяснял, каким храбрым был Жоржик на войне, как повел залегшую цепь в атаку на неприступную высотку, за что и был награжден первым орденом. Про второй подвиг он рассказать не успел, так как всем хотелось выпить. Рита, всхлипывая, вспомнила, каким покойный был заботливым отцом, а Костя, одетый по форме, сказал, что в военное училище посоветовал ему поступать Жоржик, и выразил надежду, что на том свете умерший встретится со своими погибшими на фронте товарищами.

– А еще комсомолец! Хорошо, что замполит не слышит! – упрекнул его не всерьез Башашкин.

Потом, уходя, Костя забрал на память отцовы ордена. Говорили много, перед каждой рюмкой, выступления были похожи на тосты за упокой. Но почему-то чаще всего вспоминали сапожное мастерство усопшего. Сосед Рафф даже хотел разуться, чтобы продемонстрировать идеально восста-

новленный каблук, но ему не позволили, поверив на слово.

Бабушка все поминки вытирала слезы кончиками черного платка, глядя на портрет, принесенный с кладбища, прислоненный к телевизору и подпертый мраморными слониками. Рядом сразу же поставили рюмку водки, накрытую ломтем черного хлеба: «Чтобы Жоржику там повеселей было!»

Анна Самсоновна, наоборот, не поднимая глаз, смотрела в свою тарелку, наверное, чтобы не видеть подробности помещения, где обитал столько лет ее бывший муж. Когда безногий дядя Коля, покурив, возвращался с лестничной площадки на свое место и, потеряв равновесие, с размаху сел на высокую кровать, издавшую громкий пружинный скрежет, распisanная вдова дрогнула всем своим изможденным телом.

На поминках я впервые попробовал кутью, оказалось, это просто вареный рис с изюмом. Если положить его в глубокую тарелку и залить компотом, получится фруктовый суп, который нам часто дают в пионерском лагере.

Когда после чая с кексом и тортом чужие разошлись, а Костя и Рита увезли домой еле стоявшую на ногах Анну Самсоновну, Марья Гурьевна с Быловой и Лидой ушли на общую кухню мыть посуду. И тут бабушка Груня неожиданно предложила, словно шутя, сыграть в карты. Сначала все как-то засмущались, замахали руками, даже рассердились на странную идею, но Башашкин спокойно заметил, что покойный любил это дело, и, таким образом, перекинувшись в «сорок одно», они вроде бы продолжают поминки. К тому же ввось-

мером они давненько не садились, а в таком развернутом составе можно заварить небывалый «котел», которому Жоржик с того света порадуетя.

Так и сделали. Играли до глубокого вечера, попутно допивая остатки водки и вина, пока не осушили последнюю бутылку, а магазины давно закрылись. В минуту карточного огорчения безногий дядя Коля, перекрестившись, хлопнул рюмку, стоявшую у портрета усопшего, но там оказалась вода: кто-то опередил.

Жоржиков кладбищенский портрет с черной ленточкой, перечеркивающей нижний правый угол, стоял у бабушки в комнате почти год, до появления Василия Михайловича. Тогда же исчезли из угла сапожные инструменты, включая «костяную ногу», которую я так боялся в детстве. Костя и Рита на Овчинниковской набережной больше не появлялись, даже не звонили, лишь известили строгой без картинки открыткой, что Анна Самсоновна умерла, ее сожгли в крематории и подложили в могилу к законному мужу. После этого бабушка перестала ходить на кладбище.

В июле того же года мы в последний раз побывали в Селищах, но без Жоржика даже Волга показалась негостеприимной. В Измайлово, на травку, мы еще выезжали, но тоже без былой охоты. Зато профком организовал несколько отличных заводских массовок – коллективных выездов за город. На Бородинском поле мой друг Мишка Петрыкин подобрал на меже медную пуговицу с двуглавым орлом, но экскурсовод тут же забрал ее для музея, хотя все заподозрили, что он взял находку себе. Потом нас отвезли на берег Можайского водохранилища, где расстелили на земле клеенки и угощались до тех пор, пока наладчик Чижев, обиженный женой, не уплыл куда глаза глядят, а ширина там несколько километров. Его еле догнали на лодке и выловили. Тогда он

пешком пошел в Москву. Пока Чижова догоняли и уговаривали, Тимофеич наладился в лес за орехами со смешливой тетей Катей из планового отдела.

Лида с ним потом две недели не разговаривала, а меня постоянно выпроваживали с Сашкой во двор, так как родителям нужно было окончательно выяснить отношения. Домой нас с братом обычно звали, окликнув в открытое окно, мы возвращались: маман вытирала слезы, а отец ходил из угла в угол, красный и злой, с перечным пластырем, наклеенным на высоко стриженный затылок. Но однажды нас долго не звали, мы болтались до сумерек, а когда без приглашения вернулись, выяснилось, что предки легли спать раньше обычного, явно помирившись.

А вскоре Башашкину стало плохо в ГУМе, куда он пришел с тетей Валею, чтобы купить давно обещанный воротник из чернобурки для нового зимнего пальто. Накануне дядя Юра с Аликом отмечали победу ЦСКА в полуфинале чемпионата Союза и два раза бегали на угол за добавкой. В ГУМе Батурина, как водится, отнеслась к делу дотошно и долго осматривала ассортимент, зачем-то рассказывая продавцам про участившиеся случаи подделки жалкого кроличьего меха под благородный лисий. Когда она надолго застыла у прилавка, не умея выбрать одну из двух чернобурок, дяде Юре сделалось дурно. Он, задыхаясь и расталкивая покупателей, побежал к фонтану, видимо, страдая от жажды или предполагая освежиться, там и упал на мозаичный пол, ударившись

лицом.

Башашкина, как и Жоржика, забрала скорая помощь, отвезла в больницу, откуда его почти сразу выпустили, отругав, запретив выпивать из-за высокого давления и рекомендовав здоровый образ жизни по причине нарушения сердечного ритма. Ему также посоветовали срочно похудеть, что удачно совпало с приказом начальника, который считал, что большой живот сержанта Батурина портит строй образцового военного оркестра. Дядя Юра, собрав силу воли в кулак, перешел на минеральную воду, увлекся новыми впечатлениями и вскоре мог отличить на вкус «эссентуки» от «боржома», «арзни» от «бжни», «бадалмы» от «нарзана», «каширскую» от «Полюстрова». Впрочем, «Полюстрово» я и сам узнаю с первого глотка, – эта минералка просто шибает железом.

Кроме того, Батурин купил себе и жене клееные лыжи «Стрела» с железными ботиночными креплениями, байковые спортивные костюмы на молниях, а шапочки, носки, перчатки и шарфы тетя Валя связала сама, гордясь, что муж теперь не пьет и ставя его в пример упорствующему Тимофеичу. Но тот считал, что резкий отказ от давних привычек, даже вредных, опасен организму. Лида с этим горячо спорила, ссылаясь на журнал «Здоровье», где, кстати, попадались захватывающие статьи о половом воспитании. Бесполезно! Скорее поджигатели войны откажутся от коварных замыслов, чем отец признает свою неправоту.

Зимой, по воскресеньям, Батурины отправлялись на лыж-

ную прогулку в Измайлово. Я частенько составлял им компанию: лыжи у меня тоже имелись, так как школьные уроки физкультуры зимой проходили иногда на природе в целях закаливания. После каждой вылазки на свежий морозный воздух человек пять одноклассников простужались и пропускали неделю. «Гнилое поколение! – сердился учитель физкультуры Иван Дмитриевич. – Мы зимой в окопах спали – и ничего!»

Мои крепления в отличие от батуриных, почти профессиональных, были, конечно, попроще: мысок валенка вдевался в кожаное стремя, а задник обхватывался и пристегивался тугой резинкой с крючком на конце. Ботинки мне обещали купить, когда нога перестанет расти, иначе никаких средств не напасешься. Я ставил в пример родителям своих одноклассников, которым предки, несмотря на растущие конечности, тем не менее купили лыжи с ботинками. Но Тимофеич неизменно отвечал, что он деньги печатать еще не научился.

Обычно я присоединялся к Батуриным на «Бауманской», и мы вместе доезжали до станции «Измайловская», которая еще недавно называлась «Измайловским парком», так ее, кстати, все и продолжали величать по привычке. А вот предыдущая остановка раньше, наоборот, именовалась «Измайловской», но теперь стала зачем-то «Измайловским парком». Красивая станция, светлая, с тремя путями (средний, говорят, правительственный), с высокими колоннами, к ко-

торым прислонились спинами бронзовые Зоя Космодемьянская с винтовкой на плече и вроде бы Иван Сусанин с суковатым посохом. А у выхода, над лестницей, вздымается огромный бородатый партизан в ушанке. Прижав к груди автомат с диском, он поднял вверх растопыренную пятерню, мол, стой, враг, не пройдешь!

Но я вот думаю: зачем было устраивать всю эту путаницу? До сих пор люди никак не привыкнули к этой, как говорит Башашкин, «рокировке». Если кто-то, несведущий, спрашивает: «Простите, товарищ, а какая станция следующая?» – пассажиры, закатывая глаза, морщась, вспоминают, что и как переименовали, но почти всегда ошибаются, давая неверный ответ. В результате слабо видящий пенсионер или неграмотная колхозница, ехавшие до «Измайловской», доверяясь москвичам, выходят на «Измайловском парке» и наоборот. Полный ералаш! Если бы я работал в Моссовете, я бы назвал «Измайловскую», которая стала «Измайловским парком», – «Партизанской», в честь народных мстителей всех времен, и дело с концом! А «Измайловский парк», превратившийся зачем-то в «Измайловскую», я вообще не трогал бы.

Внимательно выслушав эти мои соображения, дядя Юра с интересом посмотрел на меня, погладил по голове и сказал: – Молодец, не голова, а Дом Советов! Далеко пойдешь, если не остановят!

Качаясь в вагоне и придерживая лыжи так, чтобы не было со стороны видно моих позорных креплений, я всегда с

нетерпением жду, когда поезд из темного, гремучего тоннеля, оплетенного толстыми извивающимися, как удавы, проходами, вынырнет, наконец, наружу, ослепив всех дневной снежной белизной. Пассажиры, я заметил, каждый раз с каким-то облегчением переглядываются, они, хоть и не показывают вида, но под землей, похоже, чувствуют себя не в своей тарелке. Оно и понятно: человек не крот.

Выскочив на свет, мы несемся сначала между заводскими корпусами, высокими дымящимися трубами и уступчатыми новостройками, громыаем по мосту, подныриваем под эстакаду и, наконец, останавливаемся на станции, скорее напоминающей обычную железнодорожную платформу, но только прикрытую сверху длинной наклонной крышей. За невысокой оградой, не позволяющей сразу спрыгнуть на землю, начинается заснеженная березовая роща, искрящаяся под ярко-голубым, как густая синька, небом. Ветки обметаны ледяным кружевом, словно новогодней мишурой, а кое-где на сучьях висят вроде огромных елочных игрушек кормушки для птиц.

Мы выходим на солнечный морозец, и Башашкин, воздев руки, восклицает:

– Здравствуй, матушка природа!

Вокруг с гиканьем по накатанному насту снуют лыжники всех возрастов, снег пахнет свежими огурцами и мазью, ее наносят на полозья в зависимости от погоды. У Башашкина в рюкзаке целый набор брусочков в разноцветных обертках, на которых указана температура от плюсовой до лютого минуса. Мы снимаем защитные мешки с острых изогнутых концов и старательно натираем лыжи, особенно тщательно под пяткой, и, наконец, встав друг за другом по росту, стартуем. Колкий холод бьет в лицо, изо рта валит пар, а по телу разливается радость ритмичного движения. Если за спиной раздастся возглас «хоп!», надо посторониться, пропустив настоящего спортсмена. На нем обычно надета синяя обтягивающая олимпийка, круглая шапочка, высокие шерстяные гетры, а на груди и спине красуется черный номер, нарисованный на белых матерчатых квадратах, соединенных веревочками на бантиках.

Примерно через час мы останавливаемся передохнуть. Батурин высматривает ровный пенек в стороне от оживленной лыжни, снимает с плеч рюкзак, достает оттуда бутерброды, термос и пластмассовые стаканчики. Мы перекусываем, запивая еду горячим чаем, а дядя Юра, озираясь вокруг, шумно дышит, уверяя, что такой воздух надо гнать на экспорт за валюту, и грустно повторяет:

– Природа шепчет!

– Даже не думай! – строго предупреждает тетя Валя, она

буквально расцвела благодаря непреходящей трезвости супруга.

И вот однажды мы устроились перекусить возле старой раздвоенной березы, показавшейся мне знакомой: третий ствол был ровно отпилен на высоте примерно метра от земли. Невдалеке виднелось шоссе с редкими воскресными автомобилями, а дальше – блочные дома с неряшливыми балконами. Башашкин полез в рюкзак, а тетя Валя, оглядев-шись, заметила, что так далеко мы никогда еще не забирались.

– Да, марш-бросок хороший получился, – согласился Батурин.

– Мы здесь уже были... – грустно поправил я, удивляясь ненаблюдательности взрослых.

– Да нет же! Не выдумывай! – заспорила тетя Валя, страшно гордившаяся своей зрительной памятью.

Как-то в магазине, получив сдачу – пятерку, она узнала купюру, потраченную года три назад, – по чернильной загогулине на светлом поле.

– Были. Возле этой березы Жоржик упал... – печально напомнил я. – Просто зимой все выглядит по-другому.

– Постой, постой... – прищурился дядя Юра. – Точно! Здесь. Наискосок лежал. Вон и будка телефонная! – Он показал в сторону домов. – Ну ты, племянничек, чистый следопыт! Фенимор Купер! Что ж, помянем Егора Петровича! Хороший был человек, душевный! – И он поднял стаканчик

с чаем. – Пусть земля ему будет пухом!

– Царствие небесное! – добавила тетя Валя. – Ты, Юр, только бабушке не рассказывай – расстроится...

Я кивнул и подумал: если душа Жоржика теперь в Царствии небесном, то ему, в сущности, не важно, в какой земле – пуховой или жесткой – лежит его тело. А если никаких душ не существует, то Егору Петровичу тем более все равно...

2021–2022

Селищи и Шатрищи

Повесть

1

Однажды я читал с выражением у доски заданное на дом стихотворение Некрасова и, произнося: «О Волга!.. колыбель моя! Любил ли кто тебя, как я...» – чуть не заплакал. Я запнулся, замолк, чтобы проглотить подступившие рыдания, а словесница Ирина Анатольевна, решив, что меня подвела память, покачала головой:

– Ну, что же ты, Юра... Так хорошо начал!

Класс захихикал, чужая беспомощность у доски всегда смехотворна, а тут еще запнулся ученик, по чтению всегда получавший только четверки и пятерки. В третьем классе я знал наизусть «Бородино», хотя и путался в уланах и драгунах. А тут...

– Забыл? Подсказать тебе? – участливо спросила учительница.

– Не надо...

Ведь я не забыл, наоборот, вспомнил как-то все сразу: подернутую утренним паром Волгу, прозрачную, без единой морщинки воду, в которой метались юркие полосатые окуньки, вспомнил малиновое солнце, вспухающее над лесом и заливающее полнеба рыжим заревом. Одновременно – так бывает – перед глазами снова встали Жоржиковы похороны, где я не уронил ни слезинки, хотя бабушка Маня, Лида, тетя Валя рыдали в голос, Тимофеич и Башашкин стояли с мокрыми глазами, старший лейтенант Константин, прилетевший с Сахалина, всхлипывал, а Маргариту держали под руки и

совали в нос пузырек с нашатырем. Не плакала, кроме меня, только Анна Самсоновна – бывшая, добабушкина, жена Жоржика, мать Риты и Кости, наверное, кончились слезы...

Это были мои первые настоящие похороны. Конечно, у нас в Рыкуновом переулке время от времени появлялись или мрачный автобус, или грузовик с полосами красно-черной материи на бортах. Мы, дети, из странного любопытства во весь дух мчались в тот двор, где кто-то, как говорят взрослые, «двинул кони» – выражение совершенно мне непонятное. А там вокруг гроба, поставленного на табуреты, уже толпились безутешные родственники и сочувствующие соседи. Иногда приезжал духовой оркестр, наполняя окрестности печально ухающей музыкой, и мы, ребята, оторопев, глазели на постороннюю смерть. Взрослые, прощаясь с покойным, часто повторяли: «Все там будем!» Все – это понятно, но я-то, Юра Полуяков, здесь при чем?

Похороны Жоржика были первой родной смертью. Я, цепеня, смотрел на побуревшее и словно оплывшее мертвое лицо, на улыбчивые синие губы, на притворно сомкнутые веки. Казалось, мертвец играет с нами, живыми, в прятки, он водит, поэтому старательно зажмурился, борясь с лукавым желанием подсмотреть, кто куда схоронился: «Кто не спрятался, я не виноват. Иду искать!»

– Садись, Юра, к следующему уроку доучишь стихи до конца! – вздохнула Ирина Анатольевна. – Отметку пока не ставлю...

Когда бабушка Маня сошлась с дедом Жоржиком, меня еще не было на белом свете. Представить себе, что чувствует человек после смерти, очень легко, достаточно вспомнить, что ты чувствовал до рождения. Ничего. Почему же «ничего» до рождения это не страшно, а «ничего» после смерти страшно? У родителей спрашивать бессмысленно, у преподавателей тем более...

Одно из первых ярких впечатлений моего младенчества – Жоржикова сапожная лапка, которую я считал «костяной ногой» Бабы-яги и жутко боялся.

– Не хочешь манную кашу? А где там костяная нога? Идет! Тук-тук-тук!

И каша съедалась мгновенно. Дед подрабатывал ремонтом обуви на дому.

О том, что бабушка Маня и Жоржик каждое лето уезжают далеко-далеко, на таинственную Волгу, я, конечно, знал. Во-первых, оттуда они привозили очень вкусное малиновое и черничное варенье, а также соленые и сушеные грибы. Во-вторых, Жоржик обещал: подрастешь, обязательно возьмем тебя с собой! И мне потом снилось, как мы с ним пробираемся сквозь заросли, похожие на джунгли, вокруг поют желтые птицы, а под ногами растет крупная рубиновая клубника, как в огороде детсадовской дачи, куда меня отправляли

каждый год с июня по август.

Настало последнее лето перед школой, и на детсадовскую дачу меня не взяли: переросток. На семейном совете родители решили, чтобы я хорошенько отдохнул перед школой, отпустить меня на Волгу с бабушкой Маней и Жоржиком. Начались суета и нервные сборы. Вещей оказалось очень много, в основном съестные припасы, поэтому от Рыкунова переулк до Химок ехали на такси, и Лида с ужасом следила, как бегут-стрекочут в окошечке цифры, показывая, сколько придется заплатить.

– Товарищ водитель, а у вас таксометр правильно работает? – осторожно спросила она, когда сумма стала приближаться к двум рублям.

– Не волнуйтесь, гражданочка, лишнего не возьмем! – весело обернулся он, и я заметил на тулье его фуражки кокарду с буквой «Т».

От красивого здания Северного речного вокзала, с колоннами и высоким шпилем, мы спустились по широкой лестнице к воде, шлепавшей мутными волнами о причал, и вошли по трапу на борт. Перекинутые с гранитного берега на борт доски с тонкими перилами показались мне ненадежными, к тому же внизу зловеще плескалась черная вода, и я уперся: не пойду!

– Граждане, не создавайте пробку! – строго рявкнул рупор.

– Юрочка, не бойся! – взмолился Жоржик. – Людей за-

держиваем!

– Я и не боюсь! – ответил я, намертво вцепившись в ограду.

– А вон смотри – уточка! – ахнула бабушка.

– Где? – встрепенулся я.

Моего секундного любопытства хватило на то, чтобы здоровенный матрос в тельняшке подхватил меня под мышки и мгновенно перенес на борт.

Колесный пароход «Эрнст Тельман» шел в Саратов с первой остановкой в Кимрах. Мы медленно отвалили от причала. С берега нам махали руками и платочками, мы, конечно, отвечали, посылая воздушные поцелуи. Жоржик высоко поднял меня на руках, показывая безутешным родителям, что я в полном порядке. Лида на берегу не выдержала и всплакнула, уткнувшись в плечо Тимофеича. Чайки, кружащие над водой, казалось, передразнивали своими криками плач расстающихся людей.

Справа по борту показались сначала голенастые портовые краны, грузившие на баржи бревна, песок, щебень, а потом пошли кирпичные дома, но вскоре город кончился, и открылись совершенно сельские виды. Лес вплотную обступил узкий, ровный канал.

– «А по бокам-то все косточки русские...» – задумчиво произнес пассажир в круглых очках.

Я стал вглядываться в подмытые водой берега, надеясь обнаружить кость или даже череп. Бесполезно: кроме почер-

невших корней, ничего высмотреть не удалось. Мы не столько плыли, сколько опускались и поднимались вместе с водой во влажных бетонных застенках, дожидаясь, когда медленно отворятся огромные, как в замке великанов, ворота и теплоход медленно выйдет на ветреный простор водохранилища. Моря я тогда еще не видел, и мне даже не приходило в голову, что река может быть почти без берегов.

– А если вода прорвет ворота? – беспокоился я.

– Не прорвет, – успокоил Жоржик. – Видал, какие толстые!

– Это вы зря, – скорбно возразил пассажир в круглых очках. – Бывали случаи...

Наконец шлюз пройден, вокруг водная ширь, а над гладью реют, следуя за нами, крикливые чайки. Я скормил им полбублика. Они наперегонки хватали куски прямо в воздухе.

– Это ты, малец, зря, – упрекнул, проходя мимо, знакомый матрос. – Им рыбу есть положено. Привыкнут к хлебу и каюк...

Искренне испугавшись за судьбу больших белых птиц, оставшуюся часть бублика я съел сам. В каюте меня определили на самую верхнюю полку, и я сразу беспокоился, что она не выдержит моего веса, ночью обрушится – я упаду на пол и расшибусь. Опасениями я тут же поделился с Жоржиком. Он объяснил, что на борту все продумано и рассчитано инженерами, в том числе грузоподъемность сидений и спальных мест.

– А вдруг инженер ошибся? – предположил я.

– Не исключено... – кивнул очкарик.

– Не ошибся, мальчик, не ошибся, – с другой верхней полки свесился толстый гражданин. – Лезь – не бойся! – И он в подтверждение полной безопасности высунул из-под одеяла свою ногу невероятного размера.

Я не без опаски забрался наверх, накрылся с головой одеялом, но решил на всякий случай не спать, чтобы успеть схватиться за медную скобу, привинченную к стене каюты... На этом мои воспоминания о первой поездке на Волгу затемняются, а точнее, заслоняются вторым летом, когда с нами в Селищи отправились Тимофеич с Лидой.

...Когда чуть свет меня растолкали, я не узнал темной каюты, не мог понять, в чем дело, и надел штаны задом наперед.

– Кимры! Скорее! Останемся!

Отец вынес меня по трапу на плече. Городок только начинал просыпаться, с утренней хрипотцой голосили петухи, трава под ногами брызгала росой, вода, прозрачная после ночного покоя, чуть шевелилась на сером песке. Берега, словно мостик, соединяла рыжая искристая дорожка, тянущаяся от солнца – оно медленно вставало над лесом. Вверх и наискось от причала уходила булыжная улочка, застроенная такими же домиками, что и наш Рыкунов переулок: первый этаж кирпичный, второй из бревен, только наличники здесь отличались затейливой курчавостью.

От Кимр до Селищ два раза в день – утром и вечером – отправлялся катер, шел он примерно час, причем, как московский автобус, то и дело приставая к понтонам и голубым дебаркадерам, выпуская и принимая пассажиров. Вот только остановки по радио никто не объявлял, да еще всякий раз выносили на берег деревянные лотки с буханками, которые пахли так, что текли слюнки. У пристаней хлеб встречали на подводах, запряженных покорно кивающими лошадками.

– А мы не пропустим нашу станцию? – забеспокоился я.

– Не волнуйся, – улыбнулся Жоржик. – На Волге, как в метро, все пристани особенные. Ты же «Новослободскую» с «Новокузнецкой», не перепутаешь?

Сначала мимо тянулись низкие, луговые берега, а потом пошли высокие глиняные обрывы. По обеим сторонам виднелись деревни, спускавшиеся к самой воде. Кое-где лежали вытащенные на песок лодки. Я глядел на темные избы под серебристой дранкой, мостки, уходившие в реку, колодезные журавли, издали напоминающие карандаши в «козьей ножке», такими пользуются чтобы начертить ровный круг. Попадались развалины из темно-красного кирпича, поросшие молодыми деревцами. Это, как мне объяснили, бывшие церкви, на некоторых еще виднелись ржавые каркасы куполов без крестов. Иные пассажиры на них крестились. Только возле Белого Городка целехонькая голубенькая церковь красовалась на отмели, сияя золотом узорных крестов.

– Зачем их сломали? – тихо спросил я Лиду, кивая на оче-

редные развалины.

– Бога нет, вот и сломали, чтобы людей с толку не сбивали.

– Приделали бы звезды вместо крестов, как в Кремле, и всех делов! – возразил я. – Ломать-то зачем?

– Ты думаешь? – Она посмотрела на меня с удивлением, судя по всему, эта простая мысль никогда ей в голову не приходила.

За резким поворотом реки открылся длинный глиняный обрыв с высокими берегами и бликующими на солнышке деревенскими окнами. А там, где берег спускался к заливу, виднелся коричневый понтон, с которого удили рыбу.

– Селищи! – выдохнул Жоржик со скупым восторгом.

– А нас встречают? – забеспокоилась опасливая Лида.

– Ты Фурцева, что ли? – буркнул Тимофеич.

Катер толкнул бортом содрогнувшуюся пристань, и мы сошли на гулкую железную поверхность. Пассажиры, схватив поклажу, заторопились вниз по дощатым сходням на отмель, а потом вверх по деревянной лестнице. И только один мужичок в брезентовом плаще с капюшоном задержался:

– Жор, ты, что ли?

– Васька!

Они обнялись, похлопывая друг друга по спинам с такой силой, с какой помогают поперхнувшемуся.

– В родные места потянуло?

– Да, вот со всем выводком! – Жоржик показал на нас.

– Дело! – Василий пожал руки Тимофеичу, Лиде и бабуш-

ке, а меня погладил по голове. – Грибы как раз пошли. Заглядывай! – пригласил он и заторопился.

А мы остались на пристани с бесчисленными сумками и коробками, так как везли с собой еды на месяц: тушенку, крупы, макароны, сгущенку, даже яйца, хотя в деревне куры, я заметил еще в первый приезд, буквально шныряют под ногами. Из разговоров взрослых стало ясно: мало поднять все вещи с берега по крутояру, надо потом еще пройти с ними чуть не пол-Селищ.

– Юрку оставим сторожить, а сами в три приема перетаскаем, – предложил Тимофеич.

– Все руки оборвем! – заскулила Лида.

– Я сейчас, – пообещал Жоржик и побежал догонять Василия.

Взрослые уже начали волноваться, как вдруг с воды донесся плеск и скрип уключин. Жоржик, умело управляя веслами, с разгону уткнулся смоленным носом в песок, и они с Тимофеичем быстро перекидали наш багаж в осевшую лодку. Дед глянул на борт, едва поднимавшийся над водой, покачал головой и махнул мне рукой:

– Юрка, лезь сюда! – Он посадил меня на кучу скарба. – Остальные берегом!

Жоржик с трудом оттолкнулся от дна веслом, и мы поплыли вдоль обрыва, по которому гуськом вдоль изб шли Тимофеич, Лида и бабушка. Я послал им снисходительный воздушный поцелуй.

– Эвона, наш дом – третий с краю, – показал Жоржик, забирая подальше от берега, что меня тревожило, ведь я тогда еще не умел плавать. – Здесь камни... – объяснил он свой маневр.

Перед отъездом мне в «Детском мире» купили резиновый круг за рубль двадцать копеек, самый дешевый.

– Может, возьмем подороже? – засомневалась Лида.

– Зачем? – ответил Тимофеич. – Пусть учится плавать! Парню в армию идти.

Круг мне сразу не понравился. Во-первый, он был девчачий, весь в каких-то розовых виньетках, во-вторых, от него пахло галошами, а если, сильно надавив, выпустить воздух, из дырочки струился какой-то белый порошок. Резиновый запах и белый порошок были связаны с одним неприятным воспоминанием. Как-то родители ушли в кино, оставив меня дома одного. Не помню уж зачем, я поднял матрац их кровати и нашел там странные квадратные пакетики с розовыми буквами, один был надорван, а внутри обнаружился резиновый шарик, скатанный, как чулок, но не красный или синий, а белый. Понятно: родители купили мне подарок, спрятав до майских праздников. Я решил, ничего страшного не случится, если один из них я надую. Сказано – сделано. Шарик увеличился до размеров дыни колхозницы, а потом оглушительно лопнул, оставив в воздухе белое облачко, какое бывает, если сильно встряхнуть сухую тряпку для стирания мела с доски. Хлопок мне понравился, я решил выяснить, до ка-

ких размеров можно надувать странные пузыри, и не успокоился, пока не вскрыл и «не лопнул» почти весь запас.

Родители вернулись, когда я, надув и перевязав ниткой последний шарик, подталкивал его вверх, недоумевая, почему он в отличие от тех, что продают и накачивают газом на улице, не хочет подниматься к потолку.

– Это еще что такое?! – побагровел Тимофеич и стал нервно расстегивать ремень на брюках.

– Ладно, Миш, – схватила его за руку Лида, – из-за двухкопеечной ерунды ребенка наказывать. Он еще не понимает...

– Дело не в копейках! Почему без спросу?

– А ты бы разрешил? – Она как-то странно улыбнулась и погрозила мне пальцем. – Зачем ты это сделал?

– Что?

– Надул.

– Но это же шарики.

– Нет.

– А что же это?

– Что бы то ни было – без спросу нельзя. Будешь наказан.

Ремень остался в брюках, а меня до ужина поставили в угол.

...В общем, поначалу, надев на себя через голову круг, я под наблюдением Лиды барахтался у самого берега, ожидая, когда пройдет теплоход, чтобы покачаться на волнах. Самые большие валы катились от четырехпалубного «Совет-

ского Союза», они могли даже вынести тебя на берег, на серый песок, усеянный кусочками перламутра, остатками кла-да, утопленного Стенькой Разиным. Так, по крайней мере, объяснял мне Жоржик. Перламутр я потом собирал в круг-лую жестяную коробку из-под леденцов.

Рядом со мной в воде барахтался (тоже под надзором ма-маши) Эдик, мой ровесник, приехавший к бабушке из Ле-нинграда. Их дом был вторым от околицы. Эдику купили до-рогой круг, обтянутый болоньевой оболочкой и оплетенный витым шнуром, в который можно продеть для надежности руки. Стоила такая роскошь, как уверяла Эдикова мамаша, почти пять рублей.

– За обычный круг? – ахнула Лида, округлив глаза.

– Во-первых, не обычный, а во-вторых, мне для ребенка ничего не жалко!

– И где же ваш муж работает?

– По снабжению.

– Ну, понятно...

Плывать без круга я научился через год, в два приема. Но про это потом...

Жоржик причалил к берегу. Наверх вела деревянная лест-ница с гнилыми ступеньками. Встав цепочкой, мы постепен-но передали наши вещи снизу вверх. У калитки нас встре-чала загорелая, морщинистая, но не старая еще женщина в темной косынке.

– Ну чисто погорельцы! – улыбнулась она, и я заметил,

что морщины у нее в глубине белые. – Ты, сорванец, чего жмешься?

– А где у вас туалет? – жалобно спросил я.

– Эвона! – Она показала на огромные лопухи у забора и громко засмеялась.

Мы снимали большую комнату с печью у тети Шуры Коршеевой, платили 25 копеек с человека в день за постой, и еще 30 копеек – за кринку парного молока. К рубленому пятистенку примыкал длинный низкий двор, крытый в отличие от дома не дранкой, а черным полуистлевшим толем, кое-где прохудившимся. Окна в хлеву были крошечные, как бойницы, но в полумраке угадывались стойло для коровы и загон для овец. Один угол под самый потолок был забит душистым сеном, по стенам на гвоздях висели серпы, косы, хомут, дуга, видно, когда-то в хозяйстве имелась и лошадь. Тут же стояли: большие сани с загнутыми вверх полозьями, как в фильме про Морозко, и треснувшее деревянное корыто, как в сказке про Золотую рыбку. В углу прятался старый позеленевший самовар с дырявым боком. По земляному полу шла неглубокая канавка, по которой стекала наружу жижа из коровьего стойла. Здесь можно было справить нужду, чтобы среди ночи не бежать за огороды.

Дед Жоржик и тетя Шура были земляками. Оба из Шатрищ, он помнил ее еще девочкой, учился в приходской школе с ее братом Федором, пропавшим без вести на фронте. Она вышла потом замуж в Селищи за первого парня на деревне Павла Коршеева. Гуляка и забияка, он погиб в Кимрах в пьяной драке. Тетя Шура осталась с дочерью Тоней и

неполноценным сыном Колей, «жертвой пьяного зачатия», как выразился Башашкин. Однажды он приезжал сюда в отпуск, поддавшись уговорам, но, пожив пару недель, объявил, что у него с волжскими комарами антагонистические противоречия.

Дядю Колю я застал, у него было узкое, отечное лицо с отрешенной улыбкой, а слов он знал, наверное, не больше детсадовца средней группы. Будучи недоразвитым с рождения, в колхозе дядя Коля не работал, а целыми днями сидел на берегу и ловил рыбу, складывая ее в жестяной бидон с узким горлом и радуясь каждому подлещику так, словно выудил какую-то невидаль. Он вскоре умер. Когда мы в очередной раз приехали в Селищи на лето, то вместо улыбчивого инвалида обнаружили на комодe его фотографию с черной полосой на уголке. По привычке всхлипывая, тетя Шура рассказала: январь выдался снежный, завалило все дороги, а зимник по льду не проторили вовремя, и дядю Колю с гнойным аппендицитом три дня не могли забрать в больницу – в Белый Городок, а у местного фельдшера не оказалось нужных инструментов, чтобы сделать срочную операцию. А может, побоялся ответственности... Так дома, на тюфяке, и отошел. С похоронами тоже неприятная заминка вышла: бабушка Таня не разрешила класть покойного в могилу к убитому Павлу, она с самого начала не верила в то, что уродец Коля – плоть от плоти ее красавца-сына, погибшего в расцвете лет. Но пришел председатель сельсовета, пригро-

зил гневом общественности, и старушка нехотя сдалась.

Вообще-то сначала хозяйкой в доме была Татьяна Захаровна, свекровь тети Шуры. Когда зарезали Павла, кто-то надумил вдову пойти в народный суд, который и отписал ей избу как матери-одиночке, а Захаровне оставили лишь комнатку, где она и жила вдвоем со своим старым котом Семеном – Сёмой. Со снохой баба Таня не разговаривала, даже не здоровалась, еду себе она готовила отдельно и грядочку в огороде имела собственную. Но к Жоржику и бабушке Мане Захаровна относилась хорошо, часто зазывала в гости, а я увязывался с ними. Мы пили чай с черничным вареньем или с сахаром вприкуску, подливая в заварку кипяток из старинного самовара с медалями. Крупные, похожие на осколки белого мрамора, куски рафинада кололи специальными щипчиками. Чтобы я не мешал разговору, Захаровна давала мне коробочку со старинными монетами, в основном – копейками, полушками и крошечными грошиками, но был там и большой пятак, медный с прозеленью: на одной стороне неуклюже распластался двуглавый орел, а на другой виднелась витиеватая буква «Е», увенчанная короной, а внизу две римские палочки. Между короной и верхней завитушкой вензеля была пробита дырочка.

– Зачем? – спросил я.

– Колька-дурачок мальчонкой стянул и под грузило для донки приладил. Я уж его трепала-трепала. Так и не понял за что... Квельый умом-то был, покойник...

Монета мне так нравилась, что я иногда напрашивался в гости к Захаровне или вызывался отнести ей жаркое из личичек, приготовленное бабушкой, только чтобы снова подержать в руках тяжелый медный кругляш. Заметив мое пристрастие, она как-то погладила меня по голове и сказала:

– Эва, как к пятаку-то присох! Ладно, когда помру, тебе достанется. Отпишу.

В чистой, светлой комнатке Захаровны всюду лежали кружевные салфетки, а на подоконнике тесно стояли горшки с геранью, столетником и ванькой мокрым, который я про себя звал аленьким цветочком. На стене висел в деревянной раме фотопортрет Павла, чуть подкрашенный ретушором, особенно глаза – голубые, и губы – коралловые. Красивый, с буйным чубом, торчащим из-под лихо заломленной кепки, в белом кашне, он был похож на актера из кинофильма «Свадьба с приданым». Старушка вздыхала, глядя на портрет, каждый раз рассказывая одно и то же: мол, сынок женился нехотя, окриком из сельсовета, чтобы прикрыть грех, от которого отнекивался до последнего. Хотел поначалу скрыться, на Север завербоваться. Отговорила. И напрасно! Был бы, возможно, жив и при деньгах. Шурку он, получалось, вообще не любил, потому-то и гулял на все стороны, а зарезали его цыгане, их в Кимрах – пруд пруди. И это чистая правда.

Когда мы в третий раз ехали на Волгу с Жоржиком и бабушкой (родители остались в Москве), наш теплоход «Сергей Киров» пришел в Кимры с опозданием. Пока вытаскива-

ли с борта свои многочисленные пожитки, а потом переносили на берег, к маленькой пристани, утренний кашинский катер ушел, мы даже видели его корму. Оставалось, изнывая от скуки и отмахиваясь от комаров, ждать вечернего рейса. Сумок, коробок, баулов было много, везти приходилось почти все: тушенку, сгущенку, сахар, крупы, вермишель, яйца, которые, переложив мятыми газетами, упаковывали в деревянный чемоданчик. В сельпо, где можно было купить топор, серп и даже косу, из продуктов был только хлеб, серые макароны, курево, водка и частичка в томате. В общем, еду тащили из Москвы.

Жоржик, оглядевшись, назначил меня часовым, приказав ходить вокруг наших вещей дозором, не подпуская к ним никого из посторонних, а в случае чего вызывать старших громким криком: «Стой! Кто идет!» Я бдительно охранял наше добро, для порядка прикладывая ладонь к бровям, как Илья Муромец на коробке папирос «Три богатыря». Оказалось, караулил я не зря: вскоре из-за кустов выглянул чумазый и лохматый цыганенок, видно, посланный на разведку. Он некоторое время слонялся окрест, постепенно приближаясь к нашим пожиткам, и когда чертенок пнул ногой рюкзак с консервами, я завопил: «Стой, кто идет!» Тут же явились на крик взрослые, а лазутчик смылся.

– Молодец! – похвалил меня Жоржик.

– Как бы нашего караульного самого не уволокли! – усмехнулась бабушка.

– Меня?!

– А ты не слыхал, цыгане детей крадут?

– Зачем?

– Видать, своих им мало.

Потом, перед сном, я придумал историю про то, как меня похитили и увезли в цыганский табор, где я стал со временем вожаком, и вот однажды решил провести родное общежитие. К этой фантазии я обращался, взрослея, не раз, и на сегодняшний день она превратилась в законченную историю. Как табор смог беспрепятственно миновать будки-станканы с дотошными орудовцами, я соображать не стал. Откуда берутся ватаги цветастых цыганок с детьми-грязнулями на вокзалах, если там-то милиционеры и дружинники на каждом шагу? А вот когда на разноцветных кибитках шумною толпою мы мчались по нашему Балакиревскому переулку, вся 348-я школа высыпала к окнам и прилипла к забору.

– Кто это в красной рубашке верхом на вороном коне? – в восторге спросила Шура Казакова, указывая на меня.

– Наверное, самый главный у них... – догадалась Дина Гопоненко.

– Хотела бы стать цыганкой?

– Конечно, у них же золотые зубы...

Дальше события разворачиваются так. Возле ворот общежития я, словно Яшка в «Неуловимых мстителях», лихо соскакиваю с коня, разминая ноги и озирая места, где играл с друзьями в беззаботном детстве. Потом посылаю в нашу

комнату лучшую таборную гадалку с особым заданием, она стучится в дверь и видит бедную Лиду, уже много лет оплакивающую пропавшего сына. Седой Тимофеич сидит рядом за столом и лечит горе, подливая себе в рюмку заводской спирт из манерки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.